

Психологическая антиутопия

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Чувство находит мысль, мысль находит слова

Максимова Дарья Романовна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Максимова

Девальвация человечности

«Автор»

2018

Максимова Д. Р.

Девальвация человечности / Д. Р. Максимова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-08317-2

Девальвация человечности - это про выбор. Всё, что мы делаем - ежеминутно принимаем решения, которые встраиваются в нашу личность, скульптурируя её. Если вдруг не знаешь как поступить, спроси себя: "Каким человеком ты хочешь стать?" Вопрос позволит адекватно оценить ситуацию, с эффективной возможностью прогнозирования последствий своих действий. А эта история стоит на трёх столпах: любовь; психологизированные персонажи; реальные концепции и теории из психологической науки (вплетённые в сюжетную линию). Рекомендации: начинайте читать за кружкой какао, кофе и шоколадом! Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08317-2

© Максимова Д. Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Падение	6
Глава 2. Любовь	9
Глава 3. Фестрад	12
Глава 4. Призрачная надежда	14
Глава 5. Сдавайся	18
Глава 6 .Жребий брошен	21
Глава 7. Узаконенная похоть	27
Глава 8. Ясный разум	29
Глава 9. Надежда	33
Глава 10. Моральное безумие	37
Глава 11. Монолог	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дарья Максимова

Девальвация человечности

[Чувство находит мысль, мысль находит слова]

Жизнь не что иное, как цепочка событий, включающая в себя постоянную борьбу, сопротивление, победу и поражения. Почти во всех великих историях, от романов Ф.Стендаля до фэнтезийного произведения Дж.Р.Р. Толкина, прослеживается красной нитью, нечто общее, а именно борьба, внутренняя или внешняя, именно она выступает катализатором, позволяющим главным действующим лицам создавать целые плеяды новых форм мышления и поведения. Эта новая сила мысли в противоборстве закаляется, что позволяет растягивать рамки давления до разрыва сковывающих пут.

Глава 1. Падение

*[Не все что имеет цену, обладает ценностью,
Но все что ценно, не имеет цены]*

Фолмрак, место, в котором не пришлось бы по вкусу ни одному туристу, особенно в свой медовый месяц. Города этого небольшого государства расположенного к югу от холодных северных земель, сплетены единой политической системой – тоталитаризм. Это апогей в падении человеческих ценностей и морали. Одно государство, в котором сконцентрирована вся серость, промозглость, затхлость и черствость мира.

Когда-то процветающая страна воспевающая институт семьи, активно пропагандировала ценность принятия, толерантности и уважения, любви и доблести, вплоть до 28 апреля 1997 г. К тому времени государство постепенно восстанавливалось после изнурительного участия в войне, оказавшись на заключительном этапе в довольно невыгодной для себя позиции, на стороне проигравшей коалиции. По установленным условиям мирного договора, Фолмрак был обязан выплатить денежную компенсацию победившей стороне и отдать часть своих земель, к счастью, меньшую и стратегически незначительно важную. Именно этот сомнительный, но все же, факт подтолкнул правительство принять меры по предотвращению подобных ситуаций в будущем, пускай и далеко. В любом случае следует понимать, в любой войне нет и выигравших, ибо человеческую жизнь не возродит ни один экономически полезный ресурс, ни одна валюта мира. Но что мы видим? Люди по-прежнему развязывают войны из-за денег, чтобы в случае проигрыша ими же и откупиться, а в случае победы нажить состояние, не взирая на неимоверную жертвенность народа. Не все что имеет цену, обладает ценностью, но все что ценно, не имеет цены, а человеческая жизнь бесценна.

Война наций, повлекшая за собою миллионы человеческих жертв и нанесящая значительный ущерб росту экономики Фолмрак, заставила представителей каждого слоя населения объединиться для совместного выбора лидера. Человека, способного оградить их маленький мир от внешних угроз, ограничив полное взаимодействие с остальным миром. И такой человек нашелся.

Линда Гофман. Внешне она напоминала стервятника. Узкое лицо, не отягощенное упругостью кожи, больше походило на иссушенный виноград, маленькие глаза, посаженные слишком близко друг к другу, и непомерно большой нос с горбинкой, не имеющий ничего общего с изящным греческим профилем. Все это придавало ее образу и без того лишенному элегантности неимоверно жуткий вид, отмеченный глупостью. Но было в ней нечто особенное. В борьбе на политической арене ей не было равных. С отличием окончив университет по юридическому направлению, она практически сразу направила все силы на изучение политики и спустя 5 лет, уже имела среди своих знакомых без малого десять, если не больше, высокопоставленных лиц. Гофман не отличалась не свойственной большинству женщинам грацией, ни элегантностью, но будучи превосходным оратором, достаточно быстро нашла союзников. В 1997г, когда страна уже пожинала плоды войны с соседними государствами, окончательно истощившими народ Фолмрака, она, подкрепившись поддержкой, не без труда, набрала максимум голосов на выборах. И в этот день, люди собственноручно дали оружие палачу.

Достаточно мирный приход к власти абсолютно не мирного человека, лишенного понимания ценности человеческой жизни, чреват последствиями. Изначальная цель, выдвигаемая обществом, была достигнута за скромный срок. Линда была не из тех людей, что откладывала на длительное время важные дела. Всего за два года, она добилась тотальной свободы Фолмрак от внешнего мира. Прекратились экспорт и импорт, богатство земель полезными ископаемыми сыграло как нельзя лучше, поскольку достаточных запасов золота хватило, чтобы избежать

повторного экономического кризиса после войны, а так же позволило выплатить установленный мирным договором счёт, в кратчайшие сроки. Разрывая союз с другими государствами, страна будто сняла гипс, после долгого нахождения в статичном состоянии, казалось, жизнь начинала по новому обретать динамику, после тягот войны. Конечно, отсутствие экспортных и импортных отношений с развитыми странами сказалось, на десятке фирм, промыслом которых как раз таки и выступали эти взаимодействия, удовлетворенных же людей в этом вопросе было значительно больше. Но почему? Ответ на удивление простой – послевоенный период. Подобно тому, как человек, перенесший сильное заболевание испытывает страх, вновь оказаться на больничной койке, народ перенесший ужасы войны, всевозможно подавляет все, что может возродить ее снова. Отсутствие зависимых отношений с окружающими государствами, конечно, не означало абсолютную уверенность в минимизации риска обострения военных конфликтов, но хотя бы позволяло на этот случай сохранить независимость, чтобы даже в тягостных условиях борьбы, у народа отсутствовали бы нужды в чем-либо извне, что подразумевало снижение риска морального истощения и реального голода.

Такое успешное начало политической карьеры, единственное словосочетание с положительным окрасом, которое можно предоставить президенту Фолмрака. Практически лишенная эмоций, бессердечная и жестокая Мисс Гофман, обладала искусно прекрасным красноречием. Именно этот фасад так успешно скрывал коварную натуру со слабыми способностями к эмпатии. Блестяще поразительная и правдоподобная актерская игра чувственности, помогла ей завоевать поддержку среди отдельных представителей населения, но не среди народа. К сожалению, зарождающийся политический строй и ярых его представителей, в конце XX в. не особенно сильно интересовало мнение отдельного человека.

Период с начала апреля по август 1999 г. навсегда запечатлелся в памяти людей как страшная утрата свободы. Ранняя пропаганда активного роста независимости от внешнего мира переросла в навязывание личностных устоев, таких как осуждение за любое проявление чувственности к другому живому существу. Кратко описать суть навязываемых тенденций гражданам Фолмрака, можно в крайне неудачно исковерканном афоризме Платона про закон, который так умело, Мисс Гофман переформулировала под свои цели. Суть проста: «Прцветание в разуме свободном от страсти». Подобные мысли у лидера страны кажутся абсолютно абсурдными, но попробуйте дать террористу гранату и смиренно надеяться, что он ею не воспользуется.

Она использовала все возможные ресурсы для того, что бы достичь своей цели. Не стоит недооценивать действенность жестоких методов. Даже сильные духом сдавались или уходили в подполье с одним стимулом – выжить. Власть ее укреплялась с каждым новым бесчинством, начинали ходить слухи о демонстративных казнях, об арестах и то, что сначала было воспринято обществом как глупая шутка, розыгрыш или хотя бы просто страшный сон, внезапно облачилось в кроваво окрашенную, коварную реальность. Страх разрастался среди населения, словно злокачественная опухоль, незаметно, но быстро. Из уст в уста, шепотом, тайными письмами, передавались истории о безумных репрессиях призванных искоренить любовь. С особой изощренностью мисс Гофман планомерно вселяла неподдельный ужас в сердца людей, и каждый день институт брака трещал по швам.

Общество Фолмрака словно кануло в XVIв., но если в столь далеком прошлом, олицетворением фобических форм реагирования на пагубные внешние воздействия выступала власть церкви, предававшая анафеме и смертной казни любого научного деятеля осмеливавшегося вносить изменения в непогрешимый труд Клавдия Галена, то на заре XXI века, палачом выступала не церковь, а лидер страны.

Так народ, возжелавший независимость от мира в котором политики боготворили экономическую ценность войны, оказался заперт внутри системы с человеком, не только не разде-

лявшим нужд народа, но навязывающим апофегей к человечности, максимальное безразличие к самому её естеству.

Глава 2. Любовь

[Власть одурманивает]

После первых побед на политической арене, лозунг ««Процветание в разуме свободном от страсти», стал значить гораздо больше, чем кто-либо мог представить в самом начале. Официальное принятие закона «О запрете любви», означало тотальный контроль государства над жизнью общества. И чувственный мир рухнул. Парадокс заключается в том, что под запрет не попадали, ни книги, ни музыка, ни любая другая форма творческого выражения с чувственной основой. Все было еще хуже. Вы когда-нибудь сидели на диете? Представьте огромные полки магазина, наполненные съестными продуктами, сырами, сладостями, ароматными и пышными хлебами, настолько свежими, что корочка их поверхности буквально трещит в момент, когда вы отламываете самый маленький кусочек, выпуская горячий пар из пористой структуры теста. Здесь все способное пробудить аппетит даже в самом невозмутимом человеке, но вы проходите мимо, потому что решили, что гораздо больше, хотите иметь спортивное тело, или у вас заболевание ограничивающее поле для реализации потребности. Основное отличие данного примера от суровой реальности Фолмрака состоит в разных мотивах. Принципиальное различие кроется в том, что при диете доминирует осознанное стремление придания телу максимально идеальных форм, закон же «О запрете любви» даровал людям лишь одну сознательную причину подчинения – страх. Жестокость и состояла в том, что свобода самовыражения в творчестве осталась, художник мог так же творить, используя силу любви или разрушения, влюбленный поэт мог писать поэмы и короткие стихотворения о любви, но без возможности практического использования, все это было лишь теоретической прорисовкой, словно макетом. Человек мог самозабвенно думать о другом человеке, но не говорить об этом, чувствовать, но не касаться.

Все попытки политического переворота становились тщетными для борцов за справедливость и свободу. Их дух был силен, но численность не была столь многозначительной. Общество было не готово. Слишком быстро произошли все перемены, для того чтобы организованно собраться и бороться с абсурдной властью, нужен был лидер внутри народа, но его не было. А поодиночке, никто не представляет угрозы и все попытки разрозненных групп переменить ход истории, обрывался на корню. Механизм работы системы, на который и рассчитывала мисс Гофман, был не хитер, но сработал ужасающе блестяще. За основу была взята теория выученной беспомощности Мартина Селигмана. Основная суть теории применимой ей на практике заключается в генерировании пораженческой позиции у людей, т.е. пассивного принятия, что формируется, после сильного и крайне негативного воздействия неподконтрольной ситуации. Выученная беспомощность была прекрасно продемонстрирована учеными на примере блох, которых посадили в открытую банку. Первоначально, все испытываемые пытались сбежать, спустя некоторое время, исследователи накрыли банку стеклом. В начале, блохи бились о стеклянную преграду весьма отчаянно, стараясь выбраться, но спустя некоторое время произошло нечто странное. Когда наконец-то преграда была устранена, ни одна блоха не осмелилась выпрыгнуть из банки! Стекло убрали, а блохи оставались там, но почему? Страх снова удариться о невидимую преграду заставлял бездействовать, и более того, этот страх предавался через поколения. Ни один потомок экспериментальной блохи из банки, не прыгал выше уровня стекла установленного исследователями. Блохи блохами, но аналогичные реакции не чужды и для Homo Sapiens. Словом говоря, эта теория сработала, мисс Гофман получила желаемое. Слабое место у любящего человека очевидно. Именно это и выступало главным рычагом давления. Когда в твой дом приходит человек и вежливо просит отказаться от прошлой системы

ценностей, это звучит бредово, но имеет место быть, вспомните сектантов, но когда в твой дом приходят десять таких же людей, уже не с просьбами, а с угрозами, не только тебе, но и твоей семье, это совершенно другое. Затем, к тебе не приходят. Больше трех раз они никогда не приходят, потому что доводы имеют исключительно действенные. Редкий случай, когда так массово человечность обратилась против самого ее носителя. В духовный мир каждого, внедрился страх – любить.

И этот страх, поселенный в сердцах людей разрастался с большей силой, как чума, пожирающая одного за другим. На вечерних улочках городов окутанных романтикой лунного света, вы уже никак не могли увидеть прогуливающих под руку влюбленных, мужчины и женщины вообще перестали совместно проводить время в обществе, поскольку любой намек на любовь карался законом. Казалось мрак, словно кислород внедрялся в каждую клеточку живого и неживого, пропитывая все естество и даже солнце, будто забыло про небольшое государство Фолмрак. Отныне здесь холод.

Любовь, матеря заботы и нежности, преданности и жертвенности была незаслуженно возведена в ранг постыдного и мерзкого проявления человеческой натуры. Особую роль в этом весьма сомнительном достижении сыграл человек завистливый и педантичный, славящийся излишней злопамятностью, правая рука мисс Гофман – Гордон Наркисс. Во внешности его выделяла приземистая фигура и порядком округленная форма черепа, как бы вдавленная в плечи, что придавало всему его образу крайне напряженный вид. Именно он был главным блюстителем исправности работы закона и отвечал за его исполнительность. Словно шакал, преследующий свою добычу, он отлавливал преступников, людей уличенных в демонстрации любви. Следует отметить, что под демонстрацией чувств сердечных, согласно законодательной системе государства Фолмрак, понимался как физический контакт романтического характера, так и более хрупкие, но и куда более мощные проявления любви в виде: заботы, поддержки и неиссякаемой веры. Эти три формы были основными, но не единственными запрещенными. Одержимый целью поимки таких вот «преступников», Наркисс даже создал секретное подразделение. Ему не было дано название, у сотрудников отсутствовала и специализированная форма, по сути, это были обычные мужчины и женщины, которых вы могли абсолютно случайно встретить повсюду, в магазине, на улице, в кафе, они ничем не отличались от других, ничем кроме цели пребывания где-либо. Доносчики не щадили ни женщин, ни детей. Достаточно присутствовать один раз при аресте ни в чем не повинных влюбленных подростков, по сути дела, детей, что бы впредь мать боялась прилюдно сказать доброе слово ребенку, и отец держал дитя от себя в стороне. Мог ли кто-нибудь из случайных прохожих спасти жертв безумного закона, не рискуя так же оказаться в грязной кутузке, под тяжелым взглядом надзирателей? Конечно же, нет. Все отцы, все братья и сестры, все матери и друзья на этих показательных арестах безучастно наблюдают за чужим горем, не потому что им не жаль, не потому что сердца их окутала жестокость, а потому что никто не хочет так же. Говорят, если человек видит зло и не оказывает помощь нуждающемуся, он повинен в нем ровно также как и сам его создатель. Но всегда ли это истинно верно? В ситуациях, где не вмешательство оправдано реальной витальной угрозой, я думаю, что нет. И все это понимали. К несчастью в своем горе люди были едины, но разобщены страхом и этот естественный ужас с невероятным чувством сожаления, каждый раз отражался в молящих взглядах наблюдающих «помоги им Господи и огради наши семьи от этой участи». Без права на оправдание, без права на защиту, арестованным беднякам, что становятся жертвами доносов, просто заламывают руки и увозят в неизвестном направлении. Увозят лишь потому, что какому-то доносчику показалось, что ты флиртуешь, слишком любезен, не по-товарищески проявляешь заботу, а с более глубоким эмоциональным подтекстом. Просто кто-то берет и перечеркивает твою жизнь, стирает из истории, так же легко, как обычно говорят «С добрым утром, вам один кофе Сэр?».

К слову говоря и доносчикам было не сладко, как упоминалось выше, это были обычные люди, только те, что не спали ночами из-за криков, арестованных по их воли людей, застревающих в голове с ужасающими гримасами боли. Серьезно, когда ты случайным образом становишься свидетелем переворачивающей душу картины, как мать, опустившись на колени, в слезах, буквально воет, чтобы дочь отпустили, это леденит кровь, сжимает сердце, потому что ты ничего не можешь изменить. Это страшно. Когда все вокруг так же ничего не делают, словно безликие статуи и сам ты понимаешь, что внешне подобен этой же статуе, такое, такое, просто выбивает из колеи. Но если, причиной таких событий выступает твое слово, и мозгами ты прекрасно осознаешь, какое горе причинил, чтобы спасти свою шкуру, это подавляет, другие чувствуют глубочайший трагизм от безучастия, но ты, как палач, чувствуешь огромную бурю вины. Именно вины, а не стыда, потому что к последнему взывает социум, а к первому нравственный судья. В определенный момент внутри словно взрывается бомба, заряженная неимоверным горем и сожалением. Конечно, никому не было известно о том, кто именно является доносчиком, но для губителя не по своей воле, терзания совестью страшны.

Зачастую Наркисс находил людей для своего подразделения не случайно и чаще одиночек, чтобы было меньше возни, в случае если человек не выдержит давления и сорвется, чего он не мог допустить, преследуя цель сохранения конфиденциальности внутри группы. Он заманивал их деньгами, а угрозами удерживал, иногда применял пытки, но редко, потому как брал людей изначально трусливых и слабовольных, тех, кто до ужаса боится за свою жизнь и с легкостью предаст, чтобы спастись. С такими, элемента морального угнетения было вполне достаточно. К тому же эгоистичных, трусливых одиночек и с меньшей вероятностью будут разыскивать. Был, и нет. Приносить информацию об окружающих полагалось раз в два дня, так что за неделю ты в среднем мог загубить порядочное количество жизней, в довесок забудь про сладкие сны. Конечно, таких чувственных крыс среди подразделения было немного и они быстро отсеивались, что позволило Гордону, в конечном счете, сформировать подразделение из идеально холодных и безразличных к чужому горю людей, способных спокойно коверкать судьбы.

Две простые вещи, о подразделении, которые, довольно быстро доходили до новичка:

Первое, Гордон Наркисс сорил деньгами для своих пешек легко, следовательно, карман твой, ровно, как и желудок всегда будет полон.

Второе, если ты попал туда, выйти живым из подразделения будет крайне трудно, поэтому через огромные душевные терзания доносчикам приходилось изображать холодность по отношению к чувствам жертв, дабы самим не стать жертвами. И даже со временем, привыкая к крикам, ожесточившись, большинство подневольных, наблюдая за очередным арестом, задавалось вопросом «Разве моя жизнь дороже?».

Лишенные свободы выражения чувств люди были вынуждены пойти по пути наименьшего сопротивления. Конечно, некоторым удавалось спастись, чаще всего они скрывались за пределами городов, в местах напрочь лишенных уюта, но сполна заполненных жизнью. Для тех же, что не успели укрыться, попытка бегства – идеальная имитация русской рулетки.

В ходе вышеописанных событий, гражданам Фолмрак оставалось одно, создание видимости подчинения. И словно актеры захудалой театральной труппы, ежедневно они надевали маски. В лице внешнего мира и государства они были послушными и податливыми куклами, без права на эмоции, без права на любовь. Притворство создавало сумасшедший внутренний конфликт между созданием видимости принятия нововведений, и их внутренним отторжением. Народ был ослаблен, но истинная сила заключается не в отсутствии слабости, а в ее принятии.

Глава 3. Фестрад

[Духовная бедность невосполнима материальным богатством]

Прекращение экспортных и импортных отношений с внешним миром не было сумасбродным решением. Механизм функционирования и жизнеспособности Фолмрак был построен особым образом. Каждый город, будто клеточка большого организма, выполнял свою роль. Так были созданы сети городов специализирующихся преимущественно на промышленных отраслях, сельском хозяйстве, транспортной системе и связи. Крупнейшим в общегосударственном масштабе центром управления экономики и одновременно финансовым ядром страны, был Тэмвуд, столица государства. Такое разделение исполнителей для выполнения важнейших функций, было предусмотрено на случай блокады государства или же иных пагубных внешних воздействиях. Тщательно подготовленная независимость от внешнего мира здесь сыграла на руку мисс Гофман, по тому как, в принципе, на уровень жизни закон «О запрете любви» никак не влиял. Несмотря на послевоенный период, какой никакой, а все же работой был обеспечен каждый, по этому, никто не голодал. Средний класс остался средним классом, богачи остались при своем богатстве. Вот только без языка чувств: поцелуев, заботы, объятий, поддержки и нежных взглядов, все было серым в буквальном смысле и здесь все были равны. Каждый был бедняком.

Фестрад располагался на северо-западе страны и был главным сосредоточением основных видов пищевой промышленности: молочная, хлебобулочная, кондитерская и др. С Севера от города располагалась гора Пан, с юга его омывал залив Атль, что позволяло транспортировать продукцию к другим городам, не только по воздуху, но и по морю. Фестрад был наиболее удален от Темвуда, поэтому контролировать исполнение закона, полагаясь на исполнительность уже обладающих властью лиц, мисс Гофман не могла. Все что ей оставалось, это либо самой объезжать отдаленные уголки страны и проверять подчинение закону «О Запрете любви», либо отправлять приближенных лиц, которых было не так много. Вторым по важности человеком среди её свиты, после Гордона Наркисса, был Ат Ментира. Этот высокий и чересчур худощавый мужчина молодо выглядел в свои 50 лет, и отличался сдержанностью манер с крайней скрытностью. Независимый и сильный одиночка с пристрастием к жестокости и обману был убежден в том, что другие люди заслуживают эксплуатации. Именно он и был отправлен на руководящую должность в Фестрад, чтобы регулировать работу нового закона и подавлять вспышки восстаний, на случай если «действенных» методов будет недостаточно. Блестяще вжившись в роль руководителя, Ментира быстро прославился своей любовью к жестокости и насилию, а оказав поддержку идее Гордона Наркисса в создании «секретного подразделения», он лично стал контролировать работу этой организации в Фестраде и близлежащих городах. Ат Ментира был из тех людей, что приходили в ярость от малейших погрешностей в их идеально созданном порядке. Безупречно чистый кабинет, каждая вещь лежит ровно на своем месте, папка к папке, всё разложено по цветам, от светлых тонов к темным. Даже маленькая ручка, что располагается на рабочем столе под углом не идеально параллельным вертикальной линии листа, была способна вызвать искрометное раздражение у этого человека. За этим всегда следовал неконтролируемый всплеск прямой физической агрессии, который всякий раз обрушивался на сочное, нежное тело молоденькой, но бойкой секретарши, терпеливо сносящей каждый удар массивной мужской руки по той части тела, что возможно прикрыть одеждой. Только не лицо, Ментира искренне считал себя ценителем женской красоты, поэтому всегда старался быть обходительным и за каждый свой промах по лицу, дарил секретарше Лиззи очередное изящное украшение, чтобы извиниться за неаккуратный синяк, так некрасиво уро-

дующий столь чудесную мордашку. И как бы секретарша не хотела покинуть эту работу, находясь в состоянии травматической привязанности к агрессору, трезво мыслить она не могла, посему, с готовностью приносила свое тело в жертву его желаниям, пускай зачастую далеко и не ласковым. Деструктивные воззрения Лиззи, создавали иллюзию компенсации, физические раны за счет интимной близости, поскольку, именно за каждой ситуацией насилия, следовал бурный секс, искаженно воспринимаемый ею как показатель значимости ее личности в его глазах. По этой же причине, почти каждый день она возвращалась с работы с очередным синяком, не отдавая себе никакого отчета в том, что на самом-то деле, единственным ценным человеком для жестокой личности, выступает он сам. Ментира же, пропагандирующий идеи Гофман никогда не говорил, да и не то чтобы испытывал нежные чувства, он почитал страх и подчинение в глазах других. И этот человек, не скрывая презрения к окружающим, обладал властью.

Средства же, используемые для смиренного принятия обществом закона «О запрете любви» в прочем, были одинаковы, как в центральных городах, так и в отдаленных. После ряда показательных наказаний за проступки перед государством ни один мирный житель не осмеливался бы что-то предпринимать, по крайней мере, до тех пор, пока не адаптируется. Это похоже на борьбу с ранее неизвестным вирусом, для ликвидации которого необходимо больше сведений, а, следовательно, необходимость изучения первостепенна. Поэтому жители Фестрада аналогично своим товарищам так же были вынуждены начать маскарад, игру притворства.

Глава 4. Призрачная надежда

*[Человек не может ничего потерять,
если у него ничего нет]*

Сторонников приобрести довольно не трудно, особенно если у тебя есть деньги. Когда мисс Гофман только пришла к власти, основным ее приоритетом было, получить поддержку армии, что напрямую взаимосвязано с реальной силой. При помощи нехитрых денежных вложений и весьма недвусмысленных доводов, достаточно быстро каждый, от генералов до простых солдат вооруженных сил Фолмрака принял ее безумные идеи. Были и те, чье горделивое упрямство оказалось на порядок выше инстинкта самосохранения, поскольку граничило со смертью. Именно эти люди негласно стояли на голову выше прочих, потому как сохранение достоинства перед лицом опасности, высший героизм. Наотрез отказавшись принять власть отмеченную безумством и потворствовать ее распространению, эти мужчины практически собственноручно выбирали для себя не завидную судьбу. Наиболее дерзко выступили трое друзей, понимающих, что используемые средства, далеко не всегда оправдывают желаемую цель, особенно в тех случаях, когда сама цель лишена всякого смысла.

Фред Морган, вспыльчивый и смелый авантюрист, почти постоянно пребывал в хорошем настроении, он был не высокого роста, из-за чего в юности дико комплексовал, но с годами научился смеяться над собой, лихо, опережая насмешки сверстников, что позволило заработать ему хорошую репутацию юмориста и души компании. Не смотря на то, что Фред не имел среди живых людей кровных родственников, ему посчастливилось, обрести семью среди товарищей. Марк Гранд, еще более отвязный тип, чем Фред, любитель хорошего алкоголя, шумных компаний, душевных бесед и страстных женщин. Обаянию этого голубоглазого блондина завидовала большая часть мужчин, встречающаяся ему на пути, а иногда даже и обделенных природной красотой женщин. Уж слишком он слащав и красив, как будто нарисованный. Одним из них, был и молодой инструктор авиационной школы вооруженных сил Демьян Мод. Мужчина высокого роста со жгуче черными, как смола волосами, был худощавым, но жилистым и производил впечатление, скорее интеллектуала, нежели авантюриста. Его золотисто-карие глаза, словно постоянно освещаемые солнечным светом, казалось, сияют в такт широкой улыбке. Он производил положительное впечатление, а о его безрассудстве ходили легенды. При всей его любви к жизни, молодой летчик никогда не рассматривал ее, как самоценность. Родители погибли, когда мальчику не было и 8 лет, так что воспоминания о них были неопределенными, словно в тумане. Он постоянно пытался держать в голове родные лица, но с возрастом, делать это становилось труднее, маленькие примечательные элементы, такие как аромат мятного масла, от мамы, и тяжелый запах табачного дыма от папы, он носил почти всегда с собой, ассоциативно связывая их с любимыми людьми. Бабушка хоть и пыталась участвовать в его воспитании, вместе с тем, была слишком слаба. Прогрессирующее ухудшение ее состояния, снижение памяти, нарушение речи и движения свидетельствовали о ранней деменции. На последней стадии заболевания, она перестала узнавать внука и вообще кого-либо из знакомых. Умерла миссис Мод незадолго до начала войны, от пневмонии. После чего, шестнадцатилетний Демьян никак не связанный с родным домом, решил попытаться реализовать свою детскую мечту и стать летчиком. Самолеты всегда его манили, уникальная возможность прикоснуться к небу, попасть в другую реальность, должна была быть притворена в жизнь. Хороший ученик быстро завоевал уважение у своих коллег и учителей. Во время войны наций, о нем ходили легенды, как о неуязвимом счастливчике, ни разу не подбитым, дулом вражеских

пулеметов. Поле окончания войны Демьян решил продолжить развиваться в выбранной сфере и стал летчиком экспериментальной авиации в армии Фолмрака.

Мисс Гофман заинтересовал этот парень, поскольку он обладал известностью в узких кругах, а значит, определенным влиянием. И как страшна была ее ярость, при получении отказа на свое предложение. Демьян один из немногих был удостоен личной аудиенции у лидера страны, по причинам не понятным ни ему самому, ни лицам что стояли на голову выше него. Сначала она пыталась склонить его на свою сторону небывалым красноречием, и буквально выкрикивая «Процветание в разуме свободном от страсти», старалась заразить его идеей, что блистательно проделывала уже не раз. Минут 30 продолжалось это шоу одного актера. Ей нужно было больше людей, за которыми пойдут остальные. После тщетности всех попыток, она, абсолютно не стесняясь, перешла к наступлению, уже не основанному на пылкости речей.

-Тебе что, не нужны деньги? – спрашивала она лучшего летчика, уже своей армии.

-Если бы мне нужны были деньги, стал бы я работать в ВВС? -рискованно отшутился он.

-Справедливо, – язвительно подметила эта женщина, старательно подбирая новые рычаги воздействия. – Хорошо, – потирая руки, словно сдерживая себя, продолжала она. – У тебя, вероятно, есть близкие, о которых ты заботишься, ты хоть представляешь, сколько крови было пролито, ради того, чтобы я сейчас стояла здесь? – глаза ее вспыхнули безумием, но голос оставался ужасающе ровным. – Я готова пролить больше, если потребуется!

Отчего-то у Демьяна, создавалось впечатление, будто не лев угрожающе прижимает добычу, а лишь котенок, пытающийся строить из себя льва, во всяком случае, реальной опасности, что нависла над ним, он отчего-то не ощущал.

–Эту угрозу, пожалуй, стоит расценивать как личную. Вы наверняка подготовились и знаете, что у меня нет ни семьи, ни жены. У меня есть я, а у вас нет чести. Тогда давайте не будем тратить мое время, я человек занятой, знаете ли, – потягиваясь словно пробуждаясь, говорил он, для наглядности изображая зевоту, – а вы страшно скучны. Расстрел сейчас? Или подождем заката? Я люблю эффектный финал.

Внутри Демьян уже осыпал себя аплодисментами за столь ловкое доминирование в их словесной борьбе.

Что происходило с лицом мисс Гофман после этих слов, надо было видеть. Она выглядела как человек, только что съевший большой кусок лимона, по ошибке принявший его за апельсин, одновременно в глазах ее зарождался гнев, который она, отчего то, отчаянно пыталась погасить, чего ранее никогда не делала ранее. Гофман определенно что-то задумала, но что именно, Демьян совершенно не хотел знать. Он не был дураком и прекрасно понимал, во что выльется эта выходка, но терять ему было не чего. По крайней мере, он искренне верил в это и единственное чего по-настоящему хотел, так это в последний раз слиться с небом, словно свободная птица со своими стальными крыльями.

Чуть позже его отвели в специальную комнату, где он должен был ждать своей участи. С момента их последней встречи с мисс Гофман прошло, по меньшей мере, 4 часа. В комнате было душно и темно. Влажный спертый воздух впустил в себя все запахи, что попадали туда через маленькие щели. Еда, подвал, помет от крыс, сладкий дым от дешевых сигарет и сырость. По отдельности они не представляли ничего сверх ужасного, но вместе заставляли Демьяна дышать хотя бы через раз, чтобы не потерять сознание. К счастью, мисс Гофман хоть и была умна, но не всегда обладала проницательностью. Сразу же после удручающей беседы Демьян стал продумывать пути отступления.

–Надо бежать, но куда? – раздумывал он. Вдруг, максимально неожиданно для себя, вспомнил о недавнем разговоре своих сослуживцев. Среди летчиков ходили слухи о том, что в Фестраде, имеющему прямой выход к заливу Атль, есть возможность уплыть на пароходе,

за море. Значит, бежать из страны реально! Надежда, конечно, была мала, но она была. Когда Демьян был маленький, его отец часто говорил – «Пока надежда есть, дерись. Дерись, даже если надежда мала». Как нельзя лучше, эти слова всплыли в его памяти именно сейчас, попутно возвращая его к теплым воспоминаниям о папе, мужчине, что ушел не по своей воле так рано, но навсегда останется жить в его сердце. Конечно, Демьян совсем не хотел получить шальную пулю при попытке бегства, ему всего 26, и это был бы крайне трагичный исход жизни, такого блестящего летчика, размышлял он про себя, пытаясь ободрить боевой дух. Следует отметить, что он не был нарциссом, но от заниженной самооценки явно не страдал. В любом случае бездействовать было глупо. В комнату вошла мисс Гофман и преподнесла ему еще одно предложение о капитуляции.

– У вас либо проблемы со слухом, либо с разумом, – резко ответил он, – в первом случае рекомендую, как следует прочистить уши, а вот со вторым я вряд ли могу помочь. Средства позволяют вам нанять хорошего специалиста, потратьте деньги с пользой хотя бы раз, – бросил он ей играючи, вербально по-прежнему отстаивая превосходство.

Ему нужна была ее реакция. Он знал, что оскорбленный вид этой особы и гневный взгляд сразу же прикажет поверенному избить его, он же не теряя времени, выхватит доступное оружие и ключи, что позволит, может и не совсем благополучно, но добраться до самолетов. Все шло по плану. Он получил первый удар, и, не смотря на то, что это не было неожиданностью, сложился пополам, словно карточный домик. К такому надо полагать в принципе сложно подготовиться. Затем второй не менее резкий удар, третий. Четвертого не было. В комнате их было трое. Военный, который секунду назад выбивал из него дурь, уже лежал на полу сокрушенный таким же неожиданным ударом, которым пару минут назад угощал заключенного, а рядом с ним мисс Гофман. Демьян вырвал у него из рук пистолет и наставил на нее. Стало тихо. Настолько тихо, что он буквально слышал свое сердце, готовое разорвать грудь. Капельки пота спадают со лба в область глаз, что затрудняет видимость. Он вытирает лицо грязным рукавом рубашки, оставляющим черный след на светлой коже, и на мгновение видимость улучшается, но ненадолго. Обильные капли пота предательски заливают глаза. Дышит слишком часто, что не позволяет сфокусироваться на цели. Воздух, перегруженный тошнотворными запахами, чересчур тяжелый, и никак не дает возможности, насытитесь мозгу кислородом. Замер. Ровно 40 секунд продолжалось это молчание. Словно само время остановилось для них двоих в этом душном, затхлом помещении. Еще секунда. Почему ее взгляд такой мягкий, словно мы знакомы? Резкий шум. И вот Демьян отталкивает мисс Гофман от двери, прорываясь, бежит через длинный черный коридор, освещаемый мерзкими грязно-желтыми лампочками. Его преследует, но это уже не важно. Круг его внимания максимально сужен, он никого не слышит, видит только самолет, в который намеревается запрыгнуть. В него стреляют, но не одна пуля не пробивает плоть. Два его товарища Фред и Марк стараются помочь. Они, прикрывая его тыл, дают шанс сесть в самолет. Шум двигателя заглушает звуки выстрелов.

– Хэй, запрыгивайте, – призывал громким криком и движением руки Демьян своих товарищей. – Давайте же, быстрее!!

Отрицательный ответ, что прочитал он во взглядах друзей, заставил содрогнуться. Всем им не выбраться, он уже в самолете, они нет. Все ужасающе ясно. Они не полетят. Рев двигателя заглушает звуки, но не невербальную речь. Передавая взглядом благодарность за то, что прикрыли, уже взлетая, он видел как пуля задела Фреда, как скрывается Марк, и что еще хуже, он уже ничем не мог им помочь, скованный жестокой беспомощностью перед обстоятельствами, ощущая дикую боль, что ноюще разрывает грудь, ему не оставалось ничего, кроме как лететь дальше.

– Фестрад, добраться бы до Фестрада, если есть хоть призрачная надежда сбежать из этой чертовой страны, я должен попытать счастья. Мысль. Еще одна. Господи боже, что я делаю? Фред, Марк.

При мысли о друзьях, что возможно уже и не живы, он впервые начал молить Господа об их спасении и благодарить небо за свое. Пролетая над базой, он видел этих упертых солдат, что виртуозно стреляли в самолет и мысль о том, что его удачное бегство, дело рук не просто везения и своевременной помощи подоспевшей от ребят, никак не покидали его.

– Я сбежал, или меня отпустили? Не может же быть так, что ни один из этих виртуозных стрелков не задел меня. Затем фокус его внимания сконцентрировался на еще одной, более душераздирающей мысли. – Я чуть не убил человека. Я чуть не убил человека.

Глава 5. Сдавайся

[-Так выглядит отчаяние

-Нет друг, так выглядит жизнь]

Раненный Фред, согрелвал холодную землю своею ещё теплой, алой кровью и умиротворенно наблюдал угасающим взглядом за улетающим самолетом, уносящим его товарища все дальше от трагических событий, словно его побег, символизировал шанс на лучшую жизнь, для них всех, возможность спастись. Цель не оправдывает средства. Когда Марку удалось добраться до товарища, было уже поздно.

–Фред, Фред!– он продолжал звать его, надеясь, что тот, все ещё жив, просто выключился от потери крови. – Твари!– закричал он не своим голосом, обращаясь к людям, с которыми минуту назад обменивался смертельными выстрелами, прижимая тело погибшего друга ближе к себе, словно намереваясь укрыть от происходящего вокруг хаоса.

–Давай же,– шепот развеивал легкий ветер, – Давай же!– перешел на крик. Он неустанно тряс его несколько секунд, полностью отключившись от остальных событий ужасающей реальности, до тех пор, пока не почувствовал отсутствие пульса. – Черт!– ударил он безжизненную землю кулаком. – Черт!– снова удар, еще один.

На кисти руки проступили кости, кожа разодрана яростью, свисающие ошметки плоти не заслуживают внимания. Никакой физической боли. Их кровь, двух друзей, живого и мертвого, слилась в единую струю, с жадностью поглощаемую ненасытной землей.

– Слишком все это, уж слишком, – обращался он к кровожадным Богам, допустившим смерть лучшего друга, проглатывая, с горечью слез едкий ком утраты. – Прости, – наклонившись над телом Фреда, он начал нашептывать ему последние слова, – не ради такой жизни мы все воевали, не таков должен быть конец. Мы все, мы все ещё свидимся. Обещаю тебе. Обещаю.

Марк, аккуратным движением грубой мужской руки, с трепетом закрыл глаза друга, оставив на его лице лишь прощальную улыбку, не скрывая от мира непереносимую горечь утраты, боль потери.

–Медленно опустите оружие!– послышался грубый голос командира и Марка стали окружать.

–Но...

–Молчать! – рявкнул он снова.

Марк спокойно опустил оружие и покорно убрал руки за голову, чтобы было проще его схватить.

– Мне плевать, – индифферентно ответил он.

Подул холодный ветер и одним жёстким ударом, мужчина, что ранее был его же командиром, наставником этой троицы, вырубил его. Алчность и вседозволенность разжигают в сердцах истинного дьявола. Оглушенный ударом, Марк проснулся уже в своей комнате, запертый и отрезанный от внешнего мира.

–Ну что, дело дрянь, – думал он про себя, болезненно припоминая последние события. – Демьян, надеюсь, тебя не найдут.

Внезапная мысль, идея, заставила его вскочить с кровати, сканируя комнату серьезным взглядом, он начал беспорядочно метаться из стороны в сторону.

– Где оно, ну? Да, господи! Сколько тут хлама?

Он бегло, словно заведенный, внезапно стал рыскать по своей комнате, разбрасывая все вещи, одежду, бумаги и даже книги, из одного угла комнаты в другую, оставляя после себя полнейший хаос, словно безумный искатель, одержимый не менее безумной идеей.

– Как же я мог забыть? Ну же, думай! – ударил он себя по голове. – Вспоминай!

Обессиленный этим эмоциональным всплеском Марк обрушил свое грузное тело обратно на жёсткую кровать и закрыл глаза. – Ха-Ха-Ха, – разлетелся минут через пять его истерически громкий смех по всей комнате. – Как же я забыл то?

–Эй, чё ржёшь? – в комнату вошёл тучный и суровый командир, немного обеспокоенный безрассудным поведением своего подопечного, – Пойдём, тебя ждут!

–Вот те нате, какая честь, – саркастически ответил он, прижимая к рукаву найденную им совместную фотографию с Фредом и Демьяном, – теперь вы почти буквально со мной. – Что же, идем алчный доходяга, – ответил он и пулей вылетел из комнаты.

Командир сопроводил Марка в подвал, где ему полагалась самая дальняя и мрачная комната, служившая в годы войны чем-то вроде карцера, для провинившихся бедолаг, чаще всего, несправедливо осужденных пленников. Сохраняя видимую беспечность, внутри, Марка пробирала нервная дрожь, он понимал что, зайдя в комнату, уже не выйдет, а значит, задуманное им дело погорит.

–Эй ты? Почему меня сразу же не убили? – проронил он, играючи, сознавая всю абсурдность ситуации и жестокость обстоятельств.

Командир окинул его презрительным взглядом, но не ответил, только посмотрел в глаза и тут же, зашвырнул в комнату.

–Честно говоря, – начал говорить только что, вошедший Марк, успевший заметить краем глаза «ВАЖНЫХ» персон, – вы бы хоть сказали, – он дурашливо почесывал голову. – Знай, я, какая встреча меня ждет, хоть помылся бы, – после чего повернул голову в правую сторону к приподнятому плечу, намеренно изображая, словно нюхает подмышку. – Буээ, – Марк нарочито искривил лицо и высунул язык, – запашек то, так себе.

–Не паясничай! – резко толкнул его кулаком в живот Гордон Наркисс, – Перед тобой президент!

Линда Гофман впрочем, не изменила выражение своего лица, единственное, что выдавало её глубочайшее презрение и отвращение, так это, пожалуй, приподнятая бровь, и слегка дёргающийся глаз.

–Послушай Марк, мне от тебя нужно только одно, не ты, не твоя верность особой ценности для меня не представляют, скажи мне вот что, куда направился Демьян Мод? – спокойным, ровным голосом с любопытной жадностью спрашивала она.

–Я не совсем... – стараясь анализировать ситуацию, он пронзительным взглядом сверлил мисс Гофман и ее помощника, стараясь разобраться в том, что собственно говоря, тут происходит, – не понимаю, зачем он Вам? – почувствовав бессмысленный азарт, Марк решил плыть по течению, задавая все интересующие его вопросы. – Я летчик не хуже, мы равно талантливы, вон, спросите у командира.

–Ты меня не понял дорогой, – щури глаза, она подошла к нему почти в плотную, расположившись строго на уровне его глаз, достаточно близко, чтобы позволить ему прочувствовать всю серьезность её намерений, – куда он направился?

–Теперь понятно, почему тебя прозвали стервятник, – подумал про себя Марк, насмехаясь над президентом. – В таком случае, ничем не могу помочь, он улетел в неизвестном мне направлении.

–Ты лжёшь! – Гордон Наркисс бесцеремонно влез, отвесив заключенному сочную затрещину.

Марк пошатнулся, но остался стоять на ногах. Естественно он не торговался за свою жизнь, просто пытался выяснить ценность Демьяна для президента, после чего харкнул смачный кровавый сгусток, образовавшийся из-за сочной затрешины, прямо на лакированные белые туфли Наркисса, после чего, непринужденно и горделиво выпрямил спину, удачно подметив пистолет, скрывающийся за его пиджаком.

–Что-то ещё? – покачив головой из стороны в сторону, Марк выждал пару секунд, прежде чем, нанёс неожиданный, но отчаянный удар Наркиссу, затем, еле-еле выхватил пистолет и снова оказался окруженным жестокими людьми и беспощадными обстоятельствами. – Стоп. Стоп. Стоп. – без колебаний, он наставил дуло прямо на президента. – Слушай сюда мразь, не знаю, зачем ты это делаешь, но помяни мои слова, ненависть народа еще свяжет тебе петлю, всем вам! – Все хорошо. Тсссс. Тихо, – на секунду закрывает глаза, – Все хорошо, – острый, как лезвие, пронзительный взгляд. Нашупывая в кармане фотографию товарищей, он выдыхает, – Один спасен, Фред, я к тебе, – трагичный гром выстрела.

Умиrotворенную полуулыбку разбивает на тысячи осколков реальность, душа лишена телесных страданий.

–Вот же блядь! – выругался Гордон и стал поспешно выводить президента наружу.

–Погоди ты, – отталкивая от себя Наркисса, словно надоедливую муху, Линда стала двигаться к Марку, – что я трупов не видела? Пошли все вон!

–Но Мисс...

–Я сказала все! – суровый взгляд её словно тонкая иголочка, заходит в самую глубь не оставляя и шанса на споры.

Засуетившись, все стали стремительно покидать комнату, без оглядки. Разделив пространство на двоих с безжизненным телом, Линда медленно стала ощупывать его.

–Ты не можешь меня подвести Марк. Слишком бережно ты втискивал руку в карман, словно что-то скрывая, намереваясь утаить. Так, так. Нельзя недооценивать врага. Аааа, вот и оно, – она привстала, демонстративно плюнув на тело бедняги, – Ну и кто теперь мразь?! – ехидно улыбаясь, Линда покинула комнату, сжимая в руке оборванный клочок фотографии, изображение Демьяна. Игра началась.

Глава 6 .Жребий брошен

[Иногда судьба не оставляет право выбора лишь только потому, что единственно верный путь один]

Разрезая воздух, Демьян ещё не раз возвращался к мыслям о своих друзьях, к мыслям о намерении убить человека, образы последних событий всплывали в памяти, словно оживая, и нещадно душили, потому как отражали теневые стороны его естества. Как он был непоколебим наставив оружие на мисс Гофман, часть его искренне желала этого, подлинно хотела отнять её жизнь и признать такое, было, пожалуй, самым сильным испытанием. Никогда не знаешь, на что будешь способен, пока обстоятельства не прижмут к стенке. Конечно, он отдавал себе отчёт в том, что здесь выбор был прост. Но голос разума сокрушала терзающая совесть.

– Либо я ее, либо она меня, – размышлял Демьян, – тут все просто как дважды два. Но если это было простым инстинктом выживания, почему сейчас я чувствую муки совести? И отчего ее взгляд, преисполненный злобы и гнева периодически смягчался, глядя на меня? А может это просто мои фантазии порожденные стрессом. Чёрт, это сводит с ума.

Демьян пролетал расстояния, полностью отдаваясь размышлениям. Прошло, около 24 часов прежде, чем он понял, что пора приземляться. Топливо было на исходе и глаза предательски слипались от усталости. Приземлившись около небольшого городка, он оставил самолёт. *Alea jacta est.* Словно оставив в этом самолёте все своё прошлое, он ушёл не оглянувшись. По меньшей мере, месяц понадобился, чтобы добраться до Фестрада. Демьян подрабатывал на старых фермах, обедал в дешёвых харчевнях и спал, как попало, в местах, где и электричества не было, но ради жалкого подобия кровати в укромном местечке был готов забыть об этих неудобствах. Подолгу, он не оставался нигде, по этой причине, судить об изменениях в стране было крайне трудно. Большинство сил Фолмрака, было брошено на трансформацию крупных городов, именно с них начала мисс Гофман.

Когда Демьян наконец-то добрался до Фестрада, после долгой дороги, странное ощущение овладело его сердцем. Тревога заставляла испытывать дрожь, руки потели, и сердце вновь билось с частотой превышающей состояние покоя. Что меня здесь ждёт? Этот вопрос он неустанно задавал себе всё время, пока передвигался по узким улочкам большого города. Жизнь шла своим чередом, но смутное чувство неотвратимого несчастья все больше сжимало грудь, наполняя изнутри неприятным смятением. Толпы людей передвигались по улицам словно бессмысленно, до жути обречённо. В самом центре города находились две кофейни, в одну из которых он намеревался заглянуть, чтобы позавтракать. Когда он зашёл внутрь, то удивился, все, кто находились в помещении, сидели по одному, и не было ни одного свободного столика. В прочем, ему повезло, одна дама как раз собиралась уходить, и он долго не думая ухватил этот шанс, а усевшись за свободный стол, тут же оформил заказ на комплексный завтрак, что было в разы дешевле, нежели выбирать по отдельности. Прошло минут пять. Официант принес Демьяну тосты с апельсиновым джемом и кружечку капучино. Дивный аромат приподнял его настроение на пару минут. Он с жадностью съел первый тост и выпил почти весь кофе пролив несколько капель на и без того, грязные джинсы. Странное предчувствие уносило его в бездну тревожных ощущений, и чем старательнее он пытался сопоставить эмоции, возникшие у него в городе, с ранее переживаемыми, тем больше он терпел неудачу. Всё изменилось, когда он услышал короткий, но звонкий смех молодой незнакомки.

– Вот оно! Почему здесь больше никто не смеётся? – теперь внезапное озарение ударило его в самое ядро сознания, словно всё встало на свои места. Вот что это за странное чувство пустоты! Город, кафе, всё здесь напоминало ему кладбище, единственное пространство на земле, испокон веков лишённое радости и счастья. Такой эмоциональный фон был ему знаком не понаслышке, рано потеряв родителей, ещё в детстве, Демьян провёл там много вре-

мени. Хотя видит Бог, для того чтобы проникнуться этой атмосферой и раза с лихвой хватает. Единственное, что разграничивало два этих места, по крайней мере, в эмоциональном контексте, было то, что кладбищу присуще спокойствие, ощущение покоя, на границе условно разделявшей мир живых и усопших. Здесь, в городе, было нечто другое, полярная напряженность. Ошарашенный этим открытием он начал докучать официанту, стремительно оглядываясь по сторонам, словно безумец.

–Послушайте, что здесь происходит?

–Происходит где? – поинтересовался с робостью мужчина, слегка ошарашенный излишней эмоциональностью своего клиента и волнительно оглянулся по сторонам.

–Здесь, в кафе, в этом чёртовом городе? Почему я не слышу смеха детей? Почему все сидят поодиночке, и совсем не видно ни одной тошнотворно слащавой парочки, зажимающейся в углу, настолько вульгарно, что другие посетители с неодобрением поглядывали бы в их сторону, а пара умников наверняка бы обсуждала между собой, что неплохо было бы им снять номер в гостинице или ещё где. А эта музыка? Почему, чёрт возьми, тут так эмоционально глухо? Нет, даже не так, тупо, да, да! Именно эмоционально тупо. Это ваше радио прокручивает одну чушь, магазинные пластинки без слов и надо заметить без чувства!

Демьян говорил все это с таким пылом, что окружающие стали на него недобро поглядывать, перешёптываясь, а в некоторых взглядах читалось сожаление. Официант с недоумением посматривал на него, мучительно пытаясь сообразить, как лучше ответить.

–С вашими запросами, знаете ли, пойдите лучше в бордель, процветание в разуме свободном от страсти! – он сказал это гораздо громче, чем того требовало приличие, и в завершении фразы приподнял бровь, добавив еще больше надменности образу. Затем, незаметно для других, но намеренно обронив салфетки, официант наклонился по ниже, что бы поднять их, это позволило прошептать Демьяну пару слов:

– Если вам дорога жизнь немедленно покиньте это место и старайтесь поменьше говорить. Язык ваш, определенно вам не друг.

–Что за? Процветание что...и где я это слышал? – довольно быстро он сообразил, что это не лучшее место для раздумий и быстро покинул кафе, так и не закончив свой завтрак.

Стремительно шагая по центральным улицам города, он решил, что немедленно следует во всём разобраться.

–Что за странная формулировка, кто вообще так говорит? – вопрос в навязчивой форме оккупировал его мысли.

Демьян шёл все дальше от центра города. Блустителей порядка определенно становилось всё больше, в среднем за время прогулки ему встретилось, по меньшей мере, 6 пар шагающих по два. Он даже подумал о том, почему бы не подойти к одному из них, чтобы разузнать, на счёт того, что здесь происходит, но внутреннее нутро подсказывало, что это явно не самая лучшая идея. Серый город будто спал и за всё то, недолгое время пребывания здесь, он не увидел ни одного яркого платья, ни одного смеющегося ребёнка, ни влюблённых, словом ничего, что могло свидетельствовать хотя бы о намеке на счастье. Толпы людей, двигались вместе, но не соприкасались, словно одинаково заряженные магнитные полюса. Бесцельно блуждая по улицам, он не заметил, как стемнело. Последние деньги, он потратил на неудачный завтрак, и немного разозлился на то, что хамоватый официант так грубо выставил его за дверь. Но голод не затмевал его разум, голос сотрудника кафе предостерегал и был с нотками заботы, такое нельзя не заметить. Что уж теперь говорить, других денег у него не было. С Фестрадом Демьяна не связывал ни один родственник, друг или знакомый, одно сплошное одиночество, исключительно довлеющее ближе к ночи, когда улочки города особенно пустынные. Он слонялся по каменистым аллеям до темноты. На часах было 23:00, тишина резала ухо. Вдруг послышались шаги.

–Копы, – подумал он, и интуитивно почувствовал необходимость спрятаться во мраке арок, но оступился и чуть не упал прямо на освещенную фонарным светом зону.

Во всех детских сказках, темноты скорее боятся дети, чем монстры. Страх же, устраивает революцию, превращая мрак в укрытие даже для представителей добра. Демьян почувствовал резкий рывок, и сильная мужская рука удержала его от падения.

–Что, чёрт возьми, тут происходит? – подумал он, и, замахнувшись, резким ударом сбил незнакомца с ног. – Парень, красть тут нечего, иди своей дорогой! – сурово произнес ошарашенный Демьян, несомненно, испытывая гордость за то, что так ловко отразил нападение.

–Глупец! Если бы я хотел тебя ограбить, стал бы спасать? – рассерженным, слегка раздосадованным тоном произнес мужчина.

–Ну да, звучит весьма логично... – тут, лицо незнакомца осветил приглушенный свет из окна старого дома.

–Секунду, твоё лицо, где я тебя видел?

–Язык ваш, определенно вам не друг, – раздался из темноты уверенный голос.

–Оооо чёрт возьми, надо же, ты, ты тот самый официант, но что, что ты тут делаешь? Преследуешь? Знаешь, – попутно отряхивая куртку от грязи стен, ответил он, – С меня хватит приключений на сегодня.

–Насколько мне известно, для тебя все только впереди. Я от Марка, вы вместе служили летчиками в ВВС Фолмрака, ты не раз спасал ему жизнь во время войны.

–Марк, – внутри него что-то встрепенулось, новость о старом друге разодрала рану, освежив так старательно, заглушенные им ранее воспоминания, – он жив? Я думал что... – его изумленный взгляд обрушился на собеседника вместе с голосом, в котором, более не чувствовалась враждебность, скорее появилось равнодушное волнение.

–После того как он помог тебе, его продержали в тюрьме, несколько дней, точно не знаю. Последнее известие, что я получил от него, это разыскать тебя и помочь. Он прикрепил к посланию фотографию, смотри! – продемонстрировав миниатюрный, помятый снимок, что был спрятан на дне кармана его куртки, незнакомец продолжил свою речь. – Слава богу ты сам того не зная нашёл меня. А от Марка я, – голос его пронизывала нервная дрожь, – Я, – снова нерешительно начал он, – в общем, я молю бога, чтобы он был жив, а если жив, надеюсь что тело его, как и душа, лишены страданий.

–Господи, – обхватив голову, повторял Демьян, – Господи, я так на это надеюсь! – дрожащими руками он протянул руку к клочку старой фотографии, на которой распознал три лица: своё, Марка и Фреда.

Фотография была сделана в первый день после окончания войны и сохранила в себе образы трёх счастливых мужчин, с наслаждением вдыхающих первые глотки свободы, и достойно разделяющие их между собой, как равные. За годы дружбы они успели разделить и радости, и поражения, всегда искренне поддерживая, и наставляя друг друга, как это делают в семье, словно братья, разве что не кровные. Прекрасно понимая, насколько сильно он им обязан, Демьян еле сдерживал слезы, смятение чувств, благодарности и сожаления резко накрыли его и бушевали в ранимой душе по разодранной, освеженной ране, снова кровоточащей. Боль, что он так старательно пытался спрятать в самые дальние уголки своей души, нахлынула неожиданно, словно шторм, превысив по эмоциональности привычные переживания. Это давило, выжигало и сжимало. Пытаясь восстановить дыхание, выровнять его, чтобы дышать, Демьян, снова опираясь на грязную стенку старого здания, медленно сполз по ней вниз, а упав на колени, закрыл холодными, трясущимися руками лицо, словно абстрагируясь от несправедливой реальности.

– Господи, лишь бы он был жив!

Все это время, незнакомец стоял в стороне, предпочитая не вмешиваться в эмоциональные баталии нового знакомого, даруя ему возможность принять наконец-то боль, которую он так старательно пытался подавить. Еще семь минут, уже дышит ровнее.

– Подожди, а Фред?

Голова собеседника, покачивающаяся из стороны в сторону, словно старый маятник, говорила без слов. Повисло молчание. Демьян видел, как Фред был ранен, вместе с тем, в тайне молился о его здравии, но и эта надежда безжалостно умерла. Получая известие о смерти друга, ты словно сам получаешь пулю, не смертельную нет, но не менее болезненную, всегда с изощрённой жестокостью судьбы – жить с этим, с осознанием того, что тот, кто был тебе дорог, более не жив. Утрата, пожалуй, самый беспощадный способ доподлинно познать хрупкость человеческой жизни.

– Новости поганые, – уже с меньшей настороженностью, но с отстранённой холодностью промолвил Демьян. – А ты, стало быть?

– Аааа точно, как же это я так? – незнакомец дружелюбно протянул свою худощавую руку. – Меня зовут Мирон, я брат Марка и вроде как обязан тебе.

Мирон имел слегка брутальный и одновременно причудливый вид, у него были большие серо-голубые глаза и шрам над левым глазом, который трудно было не заметить, и очевидно выделял его среди толпы. Теперь он не был похож на робкого официанта, то ли приглушенный свет от фонарей придавал его образу больше мужественности, то ли только что разбитый нос бедняги. Демьян пару раз подумал на этот счет. Мужчина с русыми волосами, лет 35-ти был спортивного телосложения и оставлял двоякое впечатление. Будто принцесса Англии одетая в лучший наряд, намереваясь прогуляться до собора, заглянула по ошибке в рок клуб. Мягкие черты лица, тон общения свидетельствовали о душевном спокойствии и простоте этого человека, но только что разбитый нос и взгляд скорее настораживали.

– Так ты мне поможешь? – неуверенно поинтересовался Демьян.

– Да. Я отведу тебя в безопасное место, там ты сможешь встать на ноги и разобраться что к чему.

– Встать на ноги? Стоп, – отшатнулся Демьян. – спасибо конечно, но, пожалуй, дальше я сам. Уже большой мальчик.

Голос его дрожал от холода, он устал, был голоден, и эмоционально разбит, но идти, с мало знакомым человеком в неизвестном направлении не хотел.

– Очнись. Ты вообще в курсе происходящего? Из записки Марка, я конечно не до конца понял, что случилось у вас на базе ВВС, единственное, что мне известно, так это то, что ты страшно разозлил мисс Гофман.

– Гофман? О чёрт, процветание, процветание вот это откуда.

– Послушай, я все тебе объясню, но не сейчас и не здесь, пойдём со мной. Чёрт возьми, – протягивая правую руку, говорил он уже менее сдержанно, – ради Марка, доверься мне! Нет, если конечно хочешь, можешь остаться здесь, – он надменно оглядел обшарпанные стены пустынного переулка и грязный, высокий фонарный столб. – Я, знаешь ли, не давлею.

У Демьяна было туго с доверием, но в голосе Мирона что-то тронуло его, к тому же, он дважды за сутки спасал ему жизнь. Иногда судьба не оставляет тебе право выбора, лишь только потому, что единственно верный путь один. Демьян пошёл следом.

Они медленно продвигались по слабо освещенным улочкам крадучись, словно воры или раненные звери пытающиеся скрыться от преследователей во тьме. Дорога была не близкой и отняла около полутора часов.

– Долго ещё идти? – спросил раздражённым голосом голодный и уставший Демьян.

– Мы почти пришли, это здесь, – попытался ободрить его спутник.

Перед ними расположилось небольшое здание, состоящее из 4-х этажей. Оно было довольно старым и ветхим, проходящему мимо незнакомцу, и в голову не придёт, что здесь кто-то может жить. Обшарпанные, бело – синие, давно не крашенные стены, напоминали стены заброшенных домов, что скорее нуждались в ликвидации, нежели в реставрации. Над неброской деревянной дверью висела старая, ветхая табличка «Северное сияние» – это был небольшой отель, который, как и всё здание, по крайней мере, внешне, казался бездушным и мертвым. Мирон стал заходить, и Демьян смиренно последовал за ним.

Внутреннее убранство отеля было чуть лучше, чем того следовало ожидать. Старый, красный ковер в прихожей, маленькие, но милые безделушки, а также, жалкие копии величайших картин, и большие старые лампы, всё это придавало месту некое подобие уюта. Мимолетно окинув взглядом обстановку, Демьян почувствовал головокружительный запах еды, но никак не решался спросить у своего спутника о возможности перекусить перед сном, из-за страха показаться бестактным.

– Ах Мироша, это ты? – послышался издалека нежный женский голос.

– Моя родная душа, кто же это ещё может быть? Кстати я не один.

Из соседней комнаты вышла женщина, лет 30-ти. Выглядела она очаровательно нежно, слегка под стёртый макияж придавал её глазам усталый вид, но отчего то, это не оказывало негативного впечатления. Она была одета в старый, пепельно-розовый халат, а её длинные, крашенные под блонд волосы, небрежно спадали из замысловатой прически, грациозно обволакивая шею, что добавляло нотки грации всему образу. Поцеловав Мирона, она с вопросительным тоном перевела взгляд на незнакомца.

– Меня зовут, – осторожно начал незванный гость.

– Ах дорогая, не смущай гостя. Это Демьян, друг моего брата, не раз, спасавший ему жизнь, мы недавно говорили с тобой о нем. Представляешь, какое совпадение, именно его я и намеревался искать, и именно он, забрёл ко мне на работу. Вот она судьба то, судьбинushка! – добродушно произнес он, окинув теплым взглядом гостя. – Ну и глупец! – почесывая голову продолжал он, – я чудом выпроводил его из кафе, до того как бедолагу повязали стражи закона. Вид у него, конечно, был... – заливаясь задорным смехом, рассказывал он, – да и я не на шутку испугался от вольности его речи.

Демьян стоял неподвижно, пытаясь вставить хотя бы слово, но позже решил не вмешиваться до тех пор, пока к нему не обратятся напрямую.

– Мистер Мод, мы рады, что вы благополучно добрались, меня зовут Мария Гранд, я жена Мирона. Ох, что же это я? – волнительно спохватилась миссис Гранд, – Вы наверно ужасно голодны? Следуйте за мной!

Демьян выдохнул. Еда и сон, вот всё, что занимало его мысли последние два часа жизни. Они расположились в небольшой, скромной гостиной, что служила столовой, когда количество гостей превышало двоих. Большой камин, расположенный в дальнем углу комнаты, не был особенно красив, но создавал атмосферу домашнего уюта, а большой, деревянный стол, пускай и не был новым, глянцевым, но отлично вписывался в общий интерьер. К тому же приятно приглушенный свет от ламп и запах горячей еды создавали полное ощущение комфорта

и безопасности. Мария принесла только что разогретый плов из дикого риса и красное сухое вино, сохранённое ею для особых случаев. На протяжении всего ужина, Мирон волнительно ждал, когда на него осыплется шквал вопросов, но царил тишина. Его новый знакомый был совсем обессилен и лишь с расторопной жадностью поглощал пищу до тех пор, пока к нему не пришло чувство насыщения. Мария, понимающим взглядом не лишенным сожаления, смотрела, на эту душераздирающую картину молча. Лишь только после того, как она удостоверилась в сытости гостя, щедрая хозяйка отвела его в одну из комнат отеля. Коснувшись головой подушки, Демьян уснул крепчайшим сном. Захлопнув дверь, она тихонечко спустилась вниз и присела возле разгоряченного камина.

–Оставь, я уберу посуду,– устало обратилась она к мужу.

–Мне не сложно, и ты не должна все делать по дому одна, я помогу, – он поцеловал её в лоб и стал убираться.

– Удивительно насколько сильно может парализовать человека страх, насколько сильно его может смутить вина, какой огонь разжигает в нем гнев, и как ловко его поработает любовь. *Corpus amygdaloideum* – миндалевидное тело, не больше двух сантиметров... Такая маленькая, и такая важная структура мозга, а какой эффект! Если бы не было эмоций, была бы жизнь? Можно было бы говорить о жизни в привычном для большинства людей понимании? Если исходить из того, что отношение, когнитивный компонент эмоций, то без первого, полагаю, у нас, вероятно, не возникал бы интерес, к чему бы то ни было вообще. Была бы мотивация, если бы наше отношение к окружающей действительности стало безразличным? В чем тогда был бы смысл? Жить ради жизни? – маленькая пауза для вдоха, – Без эмоций и ключевой компонент всех религий, вера, пала бы. А человек, не имеющий веры, во чтобы то ни было, лишен и опоры, фундамента, так, пожалуй, сложно устоять... Без эмоций: гнева, радости, вины, сострадания, человек, вероятно, вообще перестал бы быть человеком, ибо даже среди животных продолжало бы существовать больше эмоций, чем у него. А так, это что-то из области фантастики.

Мария разговаривала, не сводя взгляда с камина, и словно обращалась куда-то в пустоту, куда-то к вселенной.

– Чего ради разграбляют этот дом, дом, что внутри у каждого, – минутное затухание речи, монолог прервался. – А ты, как считаешь?

– Мария, я полностью согласен с тобой, иногда нас окружают вопиюще ужасающие вещи, события, порою абсолютно глупые и бессмысленные, это же... Я вот, что пытаюсь сказать, эмоции – это в первую очередь наши личные краски. На самом деле, порой мне кажется, что нас от рождения собирают. Знаешь, словно всеобщий родитель готовит первоклассников к школе. Немного бирюзового или карего оттенка, для красоты глаз, чуть-чуть смуглости кожи, щепотку склонности к худобе или полноте, и не забудьте про список наследственных заболеваний, а в довесок возьмите ещё набор фабричных красок, мол, подрастешь, сам выберешь как ими распорядиться. И мы начинаем растрчивать этот бесконечный запас, где-то добавляем больше яблочной гармонии, где-то апельсиновой радости, грязно-желтой зависти, густого, кровавого гнева, и металлического безразличия, спектр громаден! Жизненные события холст, а мы все, художники, выходит, что и каждый талантлив. Великая способность человека, смотреть даже на хреновые события, через призму розовых очков, поразительно как сказывается на благополучии душевного состояния. А сегодня, они хотят забрать это краски, дают серый козявочный цвет и оставляют с этим жить, по крайней мере, так говорят, мы то, прекрасно знаем, что это не жизнь!– взяв жену за руку, Мирон приподнял ее и посмотрел пристально в глаза, после чего крепко-крепко прижал к себе, – мне так хорошо здесь, с тобой, в нашем собственном мире ярких красок.

–Мне тоже родной, мне тоже, – она обвила свои руки вокруг его шеи и нежно поцеловала, выражая свое согласие со всем вышесказанным, – а теперь, пойдем спать, день был тяжелым.

Глава 7. Узаконенная похоть

[Страсть порожденная любовью вспыхивает в верхней части тела, в нижней части вспыхивает похоть]

Пока сентиментальные простолюдины тряслись перед жестокими наказаниями, которые неминуемо следовали за неподчинением новому закону, в жизни таких высокопоставленных лиц как Гордон Наркисс и Ат Ментира, процветала похоть и бордели, отрицающие всякую ценность женщины, особенно падшей, перед лицом мужчины. В их мировоззрении любовь – слабость, а проститутка просто вещь, которую можно брать, сколько хочется, когда хочется и как захочется. Абсолютно не скованные нормами морали и этики, эти мужчины не останавливались ни перед чем, ради достижения истинно эгоистичного и опьяняющего оргазма. Асфиксия, связывание, физическое насилие, грубое вхождение в нежную женскую плоть, горячий воск и прочие извращения, часто приводили к летальным исходам этих бедных женщин. В случае же удачного для них завершения сексуального акта, проститутки получали кругленькую сумму и могли безбедно жить, не работая как минимум год. Правда таких отвязных и глупых дурочек, желающих рискнуть своею жизнью, чтобы заработать больше денег, среди них было не так много. Заработать то, и вырваться из этого гнилого места, пропитанного вонючей тошнотворной похотью, чаще от возрастных мужчин, мечтала каждая, но, не рискуя жизнью. К счастью сексуальное участие в таких жёстких условиях было сугубо добровольным.

В бордель «Алая роза», самый популярный в Тэмвуде, мог прийти абсолютно любой мужчина с достатком, желающий утолить свою потребность в усмирении либидо, основное правило – деньги вперед. Удивительно, что при таком узком мышлении, правила этими мужланами, именно женщина. Мисс Гофман, пожалуй, одна из немногих смогла не просто добиться расположения у влиятельного Гордона Наркисса и не менее влиятельного Ата Ментира, но и заслужила их доверие, полностью подчинив своей воле. Она не разделяла их влечений к продажному сексу, но и не осуждала, поскольку выступала не против этого, а против любви. Проституция же, как единственный надежный способ получить удовольствие без эмоциональной связи с временным партнером, даже со временем узаконилась. Удовольствие не из дешевых, но точно необходимое в сложившейся ситуации. Во всяком случае, так она считала и позволяла открывать новые и новые дешевые заведения. Дешевые, не значит не дорогие, дешевые, значит морально бедные. Вот, где процветал мир на грани с реальностью, повсюду реки алкоголя, смех и крики, стоны, оргии, наркотики и громкая музыка. Все люди не знакомы и объединены одной целью – выпустить внутреннего зверя, словно это маленькая вселенная, работающая для них на уровне инстинктов: секс, еда, агрессия.

Балом почти всегда руководил Гордон Наркисс, изредка находя среди бедолаг отчаянно желающих попасть в бордель, молодых людей для своего специального подразделения. И так весело, играючи, между сексуальной разрядкой и дозой травки, человек слабовольный и трусливый заключал сделку с дьяволом. Конечно, Наркисс редко подбирал здесь людей для подразделения, но шанс заполучить хороший, гибкий, как глина экземпляр, никогда не упускал. Сегодня, около полуночи, в самый разгар очередного веселья, охранник сопровождал в подвал секретного гостя.

– Она прибыла, – шепнул охранник Наркиссу, который незамедлительно кивнув головой, поспешил покинуть вечеринку.

– Какой приятный сюрприз! – он подошел к Мисс Гофман и галантно поцеловал её холодные руки, после чего незаметно стал оценивать весь образ. Следует отметить, выглядела она не дурно, на ней был облегающий белый костюм строго покроя, а волосы, убранные в кичку, придавали образу большую надменность и суровость, чем выражение глаз – Очаровательно выглядите!

–Ты мне льстишь, – лукаво улыбнулась она и присела на диван.

–Но почему так тайно? Для президента у меня и красная дорожка припасена, – продолжал лебезить Наркисс.

–Моя репутация друг мой, превыше всего, я борюсь против любви, а не за похоть, хотя и ничего не имею против, но лучше не афишировать мое пребывание в этом злочном месте. Послушай, завтра мы должны привести в исполнение несколько десятков показательных арестов и казнь. Ты мне нужен, так что будешь сопровождать меня.

–Но мисс Гофман, – пресмыкаясь перед ней, спрашивал неуверенным голосом он, – Линда, мы уже достаточно арестовали и казнили, в стране вас боятся как огня.

–Не правильный ответ, должны бояться, как дикого огня. До завтра.

Глава 8. Ясный разум

*[Если любовь – болезнь,
то весь мир поражен этой чумой]*

На часах было без четверти двенадцать, но солнечный свет не торопился пробуждать спящего Демьяна, вместе с тем, внезапный резкий шум, был менее обходителен, и не обременя себя старанием сохранить сны спящего, заставил его открыть глаза.

– Почему так серо? – подумал он, после чего, нехотя взглянул на часы, и задал себе этот вопрос ещё раз.

Затем, неторопливо оглядевшись, его взгляд, буквально на несколько минут приковало полотно, что располагалось возле кровати. Перед ним висела довольно милостивая картина с изображением маленькой девочки, от которой веяло теплотой. По правую сторону от кровати располагалась тумбочка, с левой стороны комнаты стоял письменный стол из красного дерева, он был завален различными бумагами и картами. Обычная такая, полу комната, полу кабинет, подумал Демьян. По мере того, как сознание его пробуждалось, он стал вспоминать последние события, что изрядно подпортило настроение. Внезапно услышанный запах кофе, словно обладая абсорбирующим эффектом, заставил его встать с постели значительно быстрее, чем необходимость разобраться в том, что происходит в жизни, и в этом Фестраде, месте, куда он так отчаянно хотел попасть. Возле кровати лежала свежая, выглаженная рубашка черного цвета и темно-синие брюки, что были слегка великоваты, но данная мелочь легко была скорректирована ремнем.

– Аааааа вы уже проснулись мистер Мод, я как раз заварила свежий кофе, – вежливо поприветствовала Мария спускающегося незнакомца.

– Спасибо, миссис Гранд, это определенно то, что мне необходимо, вы словно читатель мысли. Спасибо Вам за одежду, а то моя... – смущенно подчеркнул он, – уже совсем поизносилась.

– Ну, на счёт телепатии, не совсем уверена, зато кофе, явно хорош, – добавила она, слегка отпив из своей кружечки. – Сейчас спустится Мирон, и сможем позавтракать. Ах да, – поспешно добавила Мария, – вчера заметила, что ваши вещи уже отжили свое, и решила, что нечто новенькое вас хоть слегка ободрит.

– Это действительно очень мило!

– Не за что мой дорогой, – дружелюбно махнула она рукой, – вам к лицу этот костюм, присаживайтесь.

Утром, она показалась Демьяну ещё более очаровательной. Мария не была худощавой, скорее даже наоборот, но румянец ее розовых щёк и явная склонность к кокетству заставили бы умилиться любого.

– Кстати, предлагаю отбросить формальности, мы слишком молоды, чтобы придерживаться этих никому не нужных правил приличия, и ради Бога, не здесь и так достаточно необходимостей возросло в наше время! Называйте меня, просто Мария или Мари, как посчитаете нужным.

– Хорошо Мари, я польщен, но и вы тогда соизвольте называть меня просто по имени.

– Вот и чудесно! – с восторгом воскликнула Мария, перед тем как спустился Мирон.

– Любовь моя, все ли готово?

– Да, – ласково ответила она, – завтрак уже стынет, поторопись.

Он вошёл в столовую и пристально посмотрел на Демьяна, так, словно видел его в первый раз. Такой взгляд так же говорил о внутреннем чутье, об осознанной необходимости просветить Демьяна.

–Ну что же, – начал Мирон, – не будем откладывать в долгий ящик, я слушаю вопросы и постараюсь дать тебе на них по максимуму развёрнутые ответы.

Демьян слегка напрягся, вопросов, было и правда много, но с какого именно развязать беседу, он понятия не имел. Подождав около минуты, которая казалась собеседникам слишком долгой, он решил всё-таки не слишком задумываться на этот счет и начал рубить с плеча.

–Ну, с чего бы начать, знаете, не мастер я ходить вокруг да около. Какого черта тут происходит, в этом городе?

–Ну ей богу, ты как будто в лесу жил, – ответила Мария подбрасывая свои руки от удивления вверх.

–Демьян, – поспешил ему на выручку Мирон, – расскажи, что тебе известно, и мы восполним твои пробелы, – добавил он заботливым тоном.

–Ну что же, рассказывать особенно не о чем. Мы с Марком и Фредом работали на базе военно-воздушных сил, обычная сладкая рутина, жизнь шла своим чередом. Находясь вдали от мегаполисов, не сильно-то мы интересовались тем, что происходит в мире. Марк в то время тяжело отходил после войны и решил временно сменить поле деятельности, так что ограничил для себя возможность летать, став механиком. Потом начала происходить вся эта политическая херня. Ну мы и не думали об этом, своей работы было полно. А видимо зря... Затем, в один прекрасный день к нам приезжает мисс Гофман, что бы заручиться поддержкой ВВС Фолмрака. Как мы поняли, половину она подкупила сразу же. А вот со второй пришлось повозиться. Сначала нам показалось, что эта агитация против любви просто шутка, неудачная шутка, но позднее эта неудачная шутка начала стоить людям жизней. Я, собственно говоря, тогда впервые и узнал, что у Марка есть брат. Они сказали, что убьют тебя, если он не примет их сторону. Мне угрожать было нечем и не кем, я бежал, твой брат, кстати, сильно помог мне. Дважды как оказалось, – расстроено и благодарно произнёс он, попутно переводя взгляд на окно в попытке скрыть смущение.

–Ясно, тогда тебе предстоит узнать ещё кое-что. После того как ты бежал, Марка отправили в тюрьму, продержали его там не долго, во всяком случае он умудрился отправить мне тайное послание чтобы я разыскал тебя. Не знаю, жив он или нет, остаётся лишь молиться.

Мария тяжело вздохнула, выражая невербальную поддержку и сострадание мужу.

– Послушай, – продолжал Мирон, – всё то, что здесь происходит это похоже на неудачную версию антиутопии. Заручившись поддержкой всей армии нашей страны, Гофман обрела власть и стала реально опасна. Здесь, в Фестраде, знаешь, кто занимает руководящую должность? Ат Ментира, этот чёртов психопат. Ты только послушай, что выдумал этот негодяй, это же абсурд! “Любовь – это болезнь, заявил он, Л.Ю.Б.О.В.Б.-Б.О.Л.Е.З.Н.Б.”, – произнес он по буквам с медленной озлобленностью, растекающейся между ними от ярости непонимания. – Чёрт возьми, если это так, то весь мир поражён этой чумой. Теперь влюблённых, или уличённых в любви не просто наказывают, их либо убивают, если они не представляют ценности для страны, либо отправляют в специализированные учреждения, так называемые больницы – «Ясный разум». Чёрт бы их побрал! – почти не сдерживая себя, Мирон обрушил сжатый кулак на деревянный стол, Мария вздрогнула, – и знаешь, что там делают? Их лечат!! Словно они психически больны, им внушают, что любовь это зло, какая трагедия! – он сказал это с такой душевной болью спаянной со злостью и непониманием, что Мария даже поперхнулась своим кофе.

–Этот мир безнадежно прогнил, – сурово подметила она, – мы словно окунулись в средневековье, только охота на ведьм окончена, теперь народ не боится подозрений в связи с дьяволом, теперь подлинный страх ему внушает огонь сердца.

Демьян внимательно слушал и наблюдал за происходящим боясь перебивать.

–Но подождите, как они определяют, что человек влюблён?

– Много ли нужно усилия, чтобы понять, что кто-то влюблён? – словно умудренный жизненным опытом, ответил Мирон, – Дорогой мой, они увеличили количество патрулирующих улицы не для того чтобы защищать нас, народ, а для того, чтобы защищать свою безумную идею от нас. Процветание...

– Да, да, в разуме свободном от страсти. Что за чушь? Впрочем, ты так и не ответил на вопрос.

– Мой милый друг, собственно говоря, они не придумали ничего особенного. Просто если вдруг ты будешь замечен флиртующим с милой девушкой или целующимся, если вдруг брошишь на кого-то нежный взгляд, тебя либо в «Ясный разум» направят, если конечно сочтут полезным для страны, либо ликвидируют. Про проявления заботы и нежности я вообще молчу. Вот, например, Наркисс, – с отторжением произнес он, – слышал о таком?

– Не доводилось как-то, если честно.

– А зря, Гордон Наркисс, правая рука Гофман, создал специальное подразделение, подразделение крыс, настоящих шпионов, они всюду рыщут в поисках преступников. Одеты как мы, говорят как мы, вот только предают свой же народ. Негодяи! Они повсюду, наблюдают за нами, чуть шаг в сторону от их идеальной системы и все, считай ты труп. У нас теперь знаешь, что почитают? Уважение и страх, будто мы собаки какие то, эти мрази, пытаются выработать у нас рефлекс.

– Довольно Мирон! – с удручённой громкостью вставила Мария, пытаясь усмирить разгорающуюся ярость мужа.

– Что довольно? Моя дорогая Мари, ты права, мы словно очутились в Салеме, нашего инквизитора зовут Ат Мантира, одержимый идеей разве что не церкви, а стервятника Гофман.

Слушая все это, Демьян потихоньку обретал картину происходящего, проникал в самую суть, и это пугало его, действительность наводила ужас, потому как сложно было не просто представить всё это, а понять, понять, как социум допустил такое.

– Как же вы тогда тут живете? Ну, в смысле по Вам не скажешь, что вы не влюблены, за вами разве не следят?

– «Северное сияние» – это своего рода убежище, внешний вид здания, – ответила Мария, – да и район, не привлекает застройщиков, никому и в голову не приходит здесь кого-то разыскивать. Правда, ненадолго, – тихонько вздохнула она, – ходят слухи, что Мантира рыщет по таким вот захолустьям в поисках скрывающихся, не знаю насколько это правда.

– Это ужасно, – единственное, что удалось выдать из себя уже перегруженному информацией Демьяну.

– Моя история не мудрена. Когда закон ещё только вышел, я работала воспитателем в детском саду, и он буквально стёр землю из-под наших ног, лишил хлеба в одночасье. Как можно работать с детьми без материнской ласки, заботы? Ты знаешь? Я нет. В отличие от нас, рабочих лошадок, правительство видимо, прекрасно осведомлено, я бы даже сказала, так живенько, представляло себе эту картину эмоциональной заглушки для детей, что реально поразило меня ещё тогда, но не перестает удивлять и сегодня. Внезапно, одним днём пришли мужчины и в саду поставили камеры, стали наблюдать. Мы думали, что это шутка, ведь сначала ничего не изменилось, но спустя пару месяцев, всех поголовно стали сокращать, притом не просто увольнять, люди исчезали. Начальник тайно поведал мне, что у них есть записи, видео регистрации наших нарушений, а также то, что в чрезвычайном случае, жертве ареста уже никто не сможет помочь, разве что Бог. Спустя сутки, меня должны были арестовать, пришлось импровизировать. Мирон спас меня! – она с любовью посмотрела на мужа, и взяла его за руку, после чего продолжила свой рассказ, – и мы сбежали сюда, для всех я пропала. Возможно, конечно меня и разыскивают, но это маловероятно, никто не будет морочиться из-за воспитателя, но всё же, как ты уже понял, я все-таки, предпочитаю не высываться. Здесь, для всех Мирон не женат и мы счастливы среди этого хаоса, лишь только потому, что крайне осторожны. Ты

кстати не единственный наш постоялец, остальные пока не вернулись, но не переживай, скоро ты со всеми познакомишься.

– Последний вопрос, – нерешительно начал Демьян, – если все люди против такой власти, почему никто не поднимает восстание, революцию, почему все спрятались по норам и не хотят воевать за бравое дело? – Демьян говорил пылко и ярко, лишь после того как он вербализовал сформулированный с горяча вопрос, понял что ненароком оскорбил семью приютившую его, тут же он добавил извиняющимся тоном, – простите, я не хотел быть грубым, просто пытаюсь понять, вникнуть во всё это.

– Знаешь, хороший вопрос, мы сами не раз это обсуждали. Ты спрашиваешь, почему каждый человек участвует в этом маскараде, игре в притворство?

– Мирон полегче, – с ноткой суровости произнесла Мария и ласково погладила его по руке, словно пытаясь укротить дикого зверя.

– Нет, он должен понимать Мари, да потому что все хотят жить, все хотят видеть родных живыми! Если убьют меня, всё равно, если пострадает она, – Мирон влюблено посмотрел на Марию и на долю секунды замолчал. Видимо тревога завладела его душой, что отражалась и на лице. Понижая голос, он наклонился к Демьяну и произнес, почти шепотом, – мне незачем будет жить. Она, всё что у меня есть, моя любовь, сестра, жена и друг. Мне тоже не нравится то, что происходит, но если меня схватят, я не смогу ее защищать, – голос его становился все громче, – понимаешь ты это или нет? Ты любил? Что ты вообще знаешь?! Пока здесь, в подполье для нас безопасно, мы не будем высовываться. Так я решил!

Последняя фраза, произнесённая им, была амбивалентно окрашена, одновременно спаянная забота с жутким страхом. Его раздосадованные глаза излучали внутреннюю твердость и решимость. Демьян молча слушал, потому как сам давно уже не испытывал чувства любви и забыл, какого это. Он знал, что может понимать Мирона лишь теоретически, но также, он осознавал, что скрываться вечно не выход. Внезапно послышались посторонние шаги, все замерли, из коридора доносился звонкий смех.

– Это что-то знакомое, – подумал про себя Демьян.

– Мирон, это же Ия.

Глава 9. Надежда

[Если вы верите в судьбу, то априори отрицаете случайность]

Звонкий смех становился все ближе. Через секунду в комнату зашли двое молодых людей. Мужчина лет 27 выглядел чудесно, дорогой костюм и стильная прическа придавали ему уверенный вид. Он был высокого роста и создавал впечатление не лишённого юмора интеллигента.

– Нет, ну вы представляете, что вытворил этот чудак? – произнесла звонким голосом его спутница, – Он шёл за мной от академии, словно маньяк. Стоило мне ускорить шаг, как и он, ускорил его. Я побежала, и он побежал вслед за мной, после короткого забега, мне показалось, что это всё. Бум! Будто жизнь промелькнула перед глазами, идти сюда было слишком опасно. Не на шутку я испугалась, подумала, что это шпион Ментиры! – говорила она чуть сбивчиво и от волнения проглатывала часть слов, но старалась передать все, что произошло, максимально точно. Она остановилась, чтобы перевести дух и её рассказ продолжил мужчина.

– А это был я! Чёрт, я ведь тебя предупредил, что после недавних событий буду приглядывать за тобой, разве это плохо? – с решительной заботливостью произнес он.

– Я это очень ценю Игнат, но нельзя же, вот так вот, пугать – сказала она ласково, уже без смеха, – тебе бы поучиться тонкостям шпионажа у Мирона, он то, в этом мастер. А ловко я тебя подстерегла, да? Ох, Мари ты бы видела его лицо, до сих пор со смехом вспоминаю, – она шутливо провела тыльной стороной ладони по его лицу, но поймав на себе его раздраженный взгляд, резко отдернула руку, словно ошпарилась кипятком.

– Подстерегла? – вмешалась Мари, – Ты хочешь сказать, что подстерегла человека, который возможно шпионил за тобой. Ты же не знала кто это и...

– Моя родная, а что мне оставалось? Надо было действовать! – довольно гордо произнесла она. – Свернув за угол, я решила подождать пока он сам пройдет мимо, что собственно говоря, наш любимый Игнат и сделал. Под рукой у меня ничего не было кроме этой сумочки, – она приподняла правую руку, на которой висела большая сумка явно, не отличающаяся легкостью, – Ну а затем, окликнула его, – продолжала Ия, – и с размаху ударила по голове. А что мне оставалось делать?! Примерно через секунду, поняла что ни какой это не шпион. Неловко вышло, зато забавно.

Тут прежний звонкий смех озарил комнату, она извинялась, но даже не старалась скрыть от других отчетливое чувство гордости за такой храбрый, по её мнению, поступок.

– Подстерегла то, ты ловко. Тебе повезло, что у Игната хорошая реакция, не увидь он твое лицо, валялась бы ты на этой улице как мешок картошки, – с заботливой суровостью подметил Мирон.

Они еще немного посмеялись, затем Мария принесла мокрое полотенце, чтобы приложить его к пострадавшей от удара голове Игната.

– Слава богу, без сотрясения, отдохни немного у себя. А эта наша гордая лань, надеюсь, не будет против, помочь мне по дому, – материнским тоном произнесла Мария, и посмотрела на девушку.

Все это время, Демьян стоял в стороне и не вмешивался. Он просто наблюдал, даже не пытаясь вникнуть в суть происходящего, да и не особенно внимательно слушал голоса, которые просто ушли из поля его внимания, пока он параллельно перебирал в памяти последние события, задаваясь одним вопросом, где же он мог слышать этот звонкий смех? Вдруг, неожиданно для себя, ему вспомнилось кафе, где он впервые познакомился с Мироном, и тот самый смех, обрушившийся на него словно снежная лавина, внезапным озарением о нехватке чего-то важного в этом городе. Это была она. Без сомнения. Лишь после того, как внутренняя гипотеза была подтверждена, Демьян обратил внимание на саму обладательницу звонкого голоса.

–Она словно солнце, – подумал он про себя, прежде чем, поток его размышлений превала Мария.

–Как же это я? – с волнением произнесла она, – Познакомьтесь это Демьян Мод, товарищ Марка, они вместе служили в ВВС, Мирон привел его вчера ночью.

Демьян вытянулся и подошел поближе.

–Мы рады друзьям Марка здесь, меня зовут Игнат Реми, – он протянул свою руку Демьяну и они слились в рукопожатии, – а это моя сестра...

–Меня зовут Ия, – бестактно, но мило, перебила она его, слегка оттолкнув, – Ия Реми, – сказала она с восхитительной нежностью и тоже подобно брату протянула руку, которую Демьян незамедлительно поцеловал.

Впервые с подросткового возраста он испытал смущение. Было что-то в этом действии необычное для него.

–Я словно поцеловал букет свежих цветов, – подумал он и словно прикованный взглядом стал рассматривать эту молодую особу.

Ия выглядела восхитительно, она была младшей сестрой Марии и Игната, и было ей всего 22 года. Сверкающие глаза глубокого синего цвета, словно позаимствованные у морской бездны, казалось, пронизывают всё куда направлялся её взор, словно рентген, что сразу же отметил Демьян, буквально прочувствовав бескрайнюю глубину омуты этих глаз. Копна длинных волос светло-русого оттенка, аккуратной волной прикрывала половину лица, спадая по тонким плечам, что, лишь подчеркивало длинную шею. Её худая фигура была облачена в строгие брюки и блузку свободного кроя кофейного цвета, весь образ дополняло длинное пальто прямого кроя. В каждом её движении было изящество и элегантность, Демьян смотрел на неё жадно, не отрываясь. Он был поглощен, стараясь отыскать хоть что-то отталкивающее в Ие.

–Не бывает настолько прекрасных людей, – думал он про себя, – она двигается так, словно играет мелодию, столько грации в одном человеке просто не может быть!

На мгновение, всего на мгновение, он словно отключился, весь внешний мир перестал существовать, из поля его внимания пропали все, кроме неё. И снова поток его мыслей был прерван Мари.

–Да, это мои младшие брат и сестра, – продолжила Мария.

–Приятно познакомится, – выдал из себя растерянный Демьян, – вы живете здесь вчетвером?

–Да, – удрученно произнес Игнат, – на прошлой неделе, копы схватили Рената, нашего друга. Он проявил оплошность в выражении своих чувств к одной девушке и незамедлительно был отправлен в «Ясный разум».

–Толковый парень, – добавил с сожалением Мирон.

Наступило молчание. Все участники разговора почувствовали неловкость. Нарушила молчание Ия.

–Что же, мы изрядно проголодались, а вы мистер Мод? Как на счет того, чтобы перекусить?

–Прекрасная мысль, я поддерживаю, – со смущением ответил Демьян.

Мария принесла еще две пары столовых приборов, после чего, все принялись за уже остывший завтрак, который пришлось разогревать в духовке. Он включал в себя овсяную кашу, несколько тостов с малиновым джемом и различные напитки: свежесваренный зеленый чай, кофе или сок. После завтрака, Мария проследила, что бы Игнат пошел отдыхать и ничто его не тревожило. Мирон отправился в библиотеку, что располагалась на втором этаже, а сама она уселась штопать штаны мужа. Ия и Демьян остались одни. Ещё с детских лет, Демьян испытывал неодолимую потребность заполнять невидимую пустоту между людьми, словами, и поскольку паузы в разговоре доставляли ему крайнее неудобство и дискомфорт, после небольшого молчания, он решил чуть больше разузнать о ней.

– Утром, вы сказали, что шли из академии, вы там учитесь?

– Ах точно, да, – с трепетом произнесла она, – это я говорила про академию художеств.

– Так вы художница? – с интересом спросил он.

– Да, я, правда, еще не доучилась, этот год последний. В комнате, где вы остановились, висит одна из моих картин, маленькая девочка, это я рисовала Марию, такой, какой помню её из детства. Не лучшая из моих работ по технике выполнения, но, пожалуй, самая сердечная.

– Эта картина, в ней что-то есть, я не знаток изобразительного искусства, но, если всматриваться в глаза девочки, кажется, будто художник спрятал там кусочек своей души, словно внутри картины жизнь, а ещё, от неё приятно веет теплом и это завораживает взор, я думаю, вы очень талантливы.

– Браво, – удивленно ответила Ия, параллельно хлопая в ладоши, – а говорите, что не знаток, – она усмехнулась, после чего продолжила, сменив беззаботность на лёгкую задумчивость, но по-прежнему, сохраняя увлечённость. – Мне кажется такими и должны быть произведения искусства, ну знаете... такими, что оставляют след в душе, ведь художник, вкладывает себя в творение, жизненную энергию и силу, что содержит в себе. При условии сохранности полотна, именно оно сквозь время, словно сосуд оберегающий часть души живописца, позволяет смотрящим, проникнуться эмоциями, почувствовать энергию создателя, стать ближе к автору. Конечно, я-то, ещё учусь, а вы явно преувеличиваете, и мои работы не так гениальны. К тому же, нельзя по одной картине судить художника, хотя лесть и приятна, что уж скрывать. Вместе с тем, – она посмотрела ему прямо в глаза, – я рада, если вам действительно удалось заметить, словно глаза девочки с картины, позволяют почувствовать душу художника, мою душу, ведь это похоже на магию, – проникновенно проведя ладонью по своим волосам, она озарила собеседника грациозной улыбкой, решив, что слегка углубилась в свои размышления и вероятно, утомила его.

– Судить? Как резко вы это сказали. Я говорю, то, что думаю, а думаю я о том, что чувствую. И ваша картина порадовала меня утром. На мгновение мне даже забылся весь этот кошмар происходящий вокруг. Вы талантливы, и обязательно покорите этот мир!

– Этот мир уже покорен, – с досадой произнесла она, – и художество, как форма, отражения чувственного мира, благо пока не запрещено, но власть нас не жалует. Что уж тут сказать, политика такая, – она слегка сдвинула брови, но это было не столько возмущение, сколько досада и на её лице, от той грациозной улыбки, что пару минут назад освещала комнату, не осталось и следа.

– Не жалует? Что вы имеете в виду? – взволнованно спросил он.

– Именно то, что подразумевает это понятие. Знаете, о каком случае говорил Игнат, ну, том самом, который породил в нём чувство, что мне нужна защита?

– Он ваш брат, это чувство породила в нём сама природа, первозданная любовь.

– Да, и правда – обескураженная столь чудесной мыслью произнесла Ия, – но вы же, прекрасно поняли, что я совсем не это имею в виду.

– Разумеется, я вас слушаю.

– Так вот, на прошлой неделе, в академии проходила выставка, где позволялось участвовать лучшим студентам. Одна из участниц, представила свою лучшую работу, позволив обществу прикоснуться к её тонкому произведению искусства. Представьте огромное полотно, художница изобразила величественную Фемиду с весами, заполнив каждый миллиметр картины могуществом справедливой Богини. На одной из чаш, расположилось анатомическое сердце, как символ вечной любви, на другой, две гемисферы, символичное отображение разума.

– Гемии..что? Простите мне мою оплошность, но я понятия не имею о значении этого слова.

Ия слегка приподняла бровь от удивления, но смягчила этот жест скромной улыбкой, так что у Демьяна не возникло неприятных ощущений по причине своей неосведомленности. Затем она продолжила.

–Проще говоря, это два полушария мозга. Так вот, подножье Фемиды украшала золотая лента с надписью «Залог процветания – равновесие». Видите связь? Чёрт, Ат Мантира был на той выставке, и к несчастью, знанием латыни он не обделен. Бедную художницу прилюдно выгнали, а теперь, за антиполитическую пропаганду её держат в тюрьме и одному Богу известно, что её ждёт! – тяжело вздохнув, она перевела дыхание, – именно поэтому Игнат защищает меня, а ведь у него и так своей работы полно, теперь ещё и это. Я пыталась ему объяснить, что крайне осторожна и не пишу таких работ, но теперь за нами в академии пристально наблюдают, и это всё усложняет.

Её речь была наполнена особым пылом, характерным для человека, зажатого обстоятельствами. Демьян же, просто на просто, был обескуражен этой картиной, и не то чтобы не был готов к излишней откровенности своей собеседницы, но путался в представлениях о верной реакции на такие откровения, не знал, как действовать. Тем временем, атмосфера становилась печальнее. В конце концов, не выдержав давления, он резко подскочил с кресла, подошёл к ней и сел, напротив. Затем, заглянув в глаза, взял её руки в свои, осторожно и бережно.

–Ия, у вас дар, политики сменяют друг друга на посту, чаще чем, меняются времена года, нам ли не знать. Да, сейчас дела обстоят намного хуже, чем раньше, ибо ни один лидер, ни одной страны, никогда не пропагандировал то, что внушает нам эта женщина, но её власть не абсолютна. Гофман может запретить рисовать, но не может запретить быть талантливым художником, она может запретить демонстрировать любовь, но не может запретить любить, бесспорно, она ужасно опасна, но это не дает ей власти над сердцами. Скажите, известно ли вам значение фамилии, что вы так гордо носите?

–Что? Фамилии? – Ия изумленно смотрела на Демьяна, она слушала его, боясь пропустить хоть одно слово, поэтому, неожиданный вопрос застал ее врасплох, – ну, Реми значит... – начала она неуверенно, впрочем, ни одна мысль по этому поводу не приходила ей в голову, собственно говоря, ранее её это особо и не интересовало.

–Да, фамилия, – с уверенностью произнес он, – ведь это сокращение от венгерского слова «remeny», оно означает надежду.

Внезапно, из-за угла послышался, чей-то кашель, который, несомненно, привлек внимание Ии и Демьяна. Игнат намеревался утолить жажду и стал невольным слушателем последней части разговора, который был прерван, но отчетливо запомнился им обоим. Незавершенные действия всегда запоминаются лучше завершенных, этот психологический феномен получил название «эффект Зейгарник». Демьян покраснел, извинился и покинул комнату под предлогом необходимости отлучиться.

–Понятия не имею, что только что тут произошло, но мне понравилась речь этого парня, – самодовольно произнес Игнат и оставил сестру наедине со своими мыслями.

Глава 10. Моральное безумие

[Страна – это в первую очередь люди, а не территория]

Большое, высокое здание, расположившееся на центральной площади Тэмвуда, было специально оборудовано для активного наблюдения за жизнью общества. Эта гигантская, стеклянная высотка походила на бизнес-центр. Тысячи сотрудников следили за тем, чтобы никто не вносил брешь в их идеальную систему. Разработанные инженерами института современных технологий, специальные датчики считывали эмоции людей по мимике, подобная, усовершенствованная технология позволяла прекрасно отлавливать преступников.

–Вызывали, Мисс Гофман? – удивленно поинтересовался Гордон Наркисс.

–Как ты считаешь, – она обращалась к нему, не оборачиваясь, продолжая наблюдать за городом, – что эффективнее, работа жалких трусов, которых ты заманиваешь в свое секретное подразделение, или новые, безупречные датчики?

–Я не понимаю.

–Стоит ли продолжать вкладываться в твоё дело?

–Мисс Гофман, Линда, – начал пресмыкаться он, – я понимаю, что эти, как вы их там называете, датчики, идеально подходят для нашей деятельности, но давайте не будем забывать, что именно благодаря эффективной работе моего подразделения, люди стали бояться, ведь именно с моих подчиненных и начались все аресты, репрессии.

–Что ты хочешь этим сказать? – обернулась она к нему, искривив лицо в полуулыбке.

–Если пройдет слух о роспуске секретного подразделения, народ может решить, что вы потеряли хватку, к тому же датчики, это нечто новое, на то, чтобы внедрить их во все города и мелкие населенные пункты уйдут годы.

Гордону страшно не хотелось, чтобы его дело прикрыли, потому что власть, которой он обладал, опьяняла его самолюбие. Среди всех высокопоставленных лиц, он был словно главным мафиози, всегда предпочитающим оставаться царем, среди равных. Эта роль, которую он сам себе выбрал и в которую не уставал играть, никогда.

–Пожалуй ты прав. Пока оставим все как есть, начнем вводить датчики и посмотрим, что из этого выйдет. Но Гордон, по аккуратнее, сократи количество арестов, если мы поубиваем всех бедняков и средний класс, нечем будет править, филиалы «Ясного разума» почти переполнены. Слишком много малоценных граждан, слишком много трупов. Проводи работу более секретно и осмотрительнее. Нам нужно безусловное подчинение, помни об этом.

–А как вы смотрите на то, чтобы отправлять неподходящих кандидатов на тяжелые физические работы, пусть добывают полезные ископаемые, роют шахты, пусть гниют там, отдавая нам свои жизни с пользой! – он улыбнулся, заметив на её столе манящую бутылочку рома.

–Тюремные заключенные, убийцы и маньяки, они там работают. Хотя, если отправлять туда физически, хорошо сложенных мужчин, пользы для нас явно будет больше от их работы, нежели, чем от их смерти. Bravo Гордон, я то, полагала ты меня уже не сможешь удивить, – рассмеялась она. – Что, любишь ром? – уже поедая ненасытными глазами бутылку, он утвердительно кивнул. – Тогда давай выпьем, за еще один прекрасный план. Сегодня же подпишу новый приказ.

–За еще один шаг к свободе от страсти! – он залпом выпил весь налитый ром и раскланиваясь покинул мисс Гофман.

Если бы политики больше думали о людях, чем о стране, вторая, следует полагать, процветала бы, а не предательски увядала под гнетом непонятных устремлений правителей.

Глава 11. Монолог

[Любовь всегда незваный гость, как для сердца, так и для разума]

Свежий ветер с улицы осыпал лицо Демьяна осенней моросью. Как и утром, все было по-прежнему серым. Он закурил сигарету и присел на ступеньки, ведущие к двери отеля.

–Что, чёрт возьми, это было?– спрашивал он себя снова и снова.

Ему хорошо было знакомо ощущение волнения, не раз он испытывал это чувство перед полетом, но здесь, было нечто не столько большее, сколько диаметрально другое. Демьян пытался понять, что именно пробудило в нем столь сильный эмоциональный порыв, реакцию, которая ранее в его поведении не проявлялась, и стал продуцировать внутренний диалог, что делал всегда в минуты, когда хотел разобраться в своих чувствах, эмоциях и состояниях.

–Когда я впервые услышал её звонкий смех, он показался мне родным. Не знаю почему, но именно это слово должно здесь стоять. Не знакомый, не приятный, не красивый, а именно родной. Я не знаю, почему, но абсолютно точно, так чувствую. Затем я увидел её лицо, её красивое лицо, словно само счастье, излучающее внутренний свет, подобно солнцу. Странно, мне всегда казалось, что любовь с первого взгляда невозможна, что это просто сказки. В смысле, ты, конечно, можешь внезапно для себя полюбить дивную обложку для книги, но тебе не удастся полюбить саму книгу, потому как не успеешь понять её суть в столь короткий миг «первый взгляд». Любовь к обложке, телу, ведь, совсем не тождественна истинной любви, потому как тело может быть изуродовано временем или болезнями. Да, тебе может нравиться внешний вид, но любовь рождается в самом сердце души и к другой душе она тянется. У души же нет точеного носа и изящных рук, нет физического очертания, её нельзя увидеть, как и саму любовь. Так разве можно с первого взгляда полюбить то, что еще не познал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.